

A woman with dark, wavy hair is seen from the side, looking out of a bright airplane window. Her hand is resting near her chin in a contemplative pose. The scene is dimly lit, with the primary light source being the window, which creates a strong backlight effect on her hair and face. The overall mood is pensive or reflective.

ИННА ТРОНИНА

ОТТОРЖЕНИЕ

Инна Тронина

Отторжение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21378348
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Осень 1994 года. Подполковнику ФСК Прохору Гаю поручено внедрить своего агента в преступную группировку Никиты Ковьяра. Помимо всего прочего, бандиты имеют связи с японской тоталитарной сектой «Аум синрикё». Люди Ковьяра базируются на Дальнем Востоке, но сфера их деятельности простирается намного дальше. Агентом должна стать девушка, приехавшая в Приморье из Москвы под видом сводной сестры начальника охраны Ковьяра – Эдуарда Косарева. Больше всего на Дайану Косареву похожа Оксана Бабенко – сотрудница частного охранно-сысского агентства...

Содержание

КНИГА 1	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Инна Тренина

ОТТОРЖЕНИЕ

КНИГА 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Андрей Озирский

Сегодня утром я повернул камни на своём перстне так, что сверху оказались сапфиры. Это был сигнал окружающим о том, что шеф в дурном настроении. В моей фирме теперь каждый знал, что первым делом нужно смотреть на перстень. Я его и заказал специально – чтобы никто из сотрудников ненароком не попал под горячую руку. А, следовательно, не остался обиженным.

Встать не с той ноги может каждый – здесь нет греха. Да и на дню настроение может не один раз смениться. Я, как только перестаю ненавидеть весь белый свет, сразу перевожу вверх рубины. И тогда – милости просим! Я прохожу мимо секретарши Светланы Ружецкой, словно невзначай

демонстрируя ей перстень. А она, в свою очередь, даёт отбой остальным. И в агентстве тут же начинается нормальная жизнь.

Это значит, что можно шуметь, разговаривать, хохотать, кататься по офису на креслах, пить кофе и даже пиво. А если есть в чём нужда, можно идти к шефу с просьбой. В «рубиновом» настроении он никому не опасен. Более того, приветлив и дружелюбен. Бывало даже, что сотрудники получали автомобиль в кредит, за счёт фирмы. Но для этого нужно было иметь давние и неоспоримые заслуги.

Дождливым сентябрьским утром я ехал с Фонтанки в Лактинский разлив – на службу. Вокруг стоял серый туман, воняло выхлопами – даже на взморье. Руки болели так, что хотелось отломить их и выбросить. В черепае от такой погоды тоже было дымно. Раздражало всё, даже вымершая площадь у станции метро «Чёрная речка». Листва, ещё по-летнему зелёная, блестела от дождя. Тихие сонные «сталинки» образовывали длинное ущелье улицы Савушкина. Меня начало клониться в сон, несмотря на две чашки кофе, выпитые дома за завтраком.

Теперь на службу меня возил Аркадий Калинин – дорогой друг и верный соратник. Три года назад он был тяжело ранен, и теперь мог работать только водилой. Аркаша не прошёл милицейскую комиссию, из-за чего очень загрустил и едва не запил. Пулю в спину он получил на Ланском шоссе именно по моей милости, когда сопровождал на «стрелку»

с бандитами.

По счастью, Аркашка тогда выжил. И я тоже выкрутился из страшненькой ситуации, а потому смог предложить другу место в своей фирме. Более того, я предоставил ему возможность в рассрочку, за полцены, приобрести отличный «бумер». Тогда, по дороге на Ланское шоссе, я в шутку пообещал подарить Калинину свою «пятёру», когда куплю новую машину. И надо же – сбылось! Только не подержанную «Ладду» вручил ему на день рождения, а новую сверкающую иномарку...

Вот и Аркадий сник, молчал всю дорогу. Не знаю уж, что у него там произошло. Может, с женой поругался, и или просто нездоровится. Сегодня пятое сентября, а похоже на глубокую осень. Такие люди, как мы, много раз раненые и заштопанные, да ещё и контуженные, очень плохо на это всё реагируем.

Когда наш джип «Чероки» проезжал мимо поворота на улицу Оскаленко, Калинин буркнул себе под нос:

– Когда гаишников сегодня ждёшь?

– В одиннадцать.

Сейчас мне особенно не хотелось жить. Я мысленно посетовал на то, что ни один бандит не добил меня до конца. Лёжал бы сейчас на Серафимовском кладбище, рядом с женой Ленкой. Там сейчас тихо, пустынно. Пахнет травой и землёй. Кругом надгробья, кресты, венки, еловый лапник. И вечный покой. Спи себе рядом с Еленой, как когда-то в постели. Па-

лая листва под головой, а травушка щёки гладит. Ни клиентов, ни бандитов, ни гаишников. А ведь последние вполне могут зарубить мой бизнес, лишить доходов и любимого дела. И, кстати, сами же во всём виноваты.

Шелестят деревья, вороны каркают, дождик шуршит. Изредка гроыхнёт электричка по одноклейке, и снова – ватная тишина. Навстречу простучал колёсами трамвай номер тридцать семь. Оба вагона почти пустые; в каждом по пять-семь человек. Там тоже стёкла обильно «плачут», как и у нас. Ну и тоска – ни вдохнуть, ни выдохнуть...

– Чем кончится, интересно? Смогут гаишники нагадить?

Аркадий, хоть и видел мой перстень, не удержался.

– Не знаю. Постараюсь договориться с ними.

Калинин скрипнул своей шофёрской кожанкой – чёрной, с сизым отливом. Она от прадеда перешла по наследству. Настоящий раритет, не какая-нибудь декоративная. Грубовато скроенная и небрежно сшитая, а стоит дорого. Только Аркадий ни за что с иней не расстанется – это семейная реликвия.

Новый трамвай – синяя «двойка» с рекламой мороженого «Валио» – был настигнут нами и без труда оставлен позади. Калинин покосился на мой перстень и умолк. Он знал мою вспыльчивость и отходчивость, а потому решил подождать до лучших времён. Я чувствовал себя двоечником, которого вызывают к завучу, а то и к директору школы. И если моя мать, царствие ей небесное, подписывала все замечания не глядя, то теперь я могу огрести по полной. И огребу, скорее

всего, потому что у этих гаишников имеются связи где-то наверху.

Всю жизнь надо мной довлеет начальство. Старшие чины на таможне и в милиции. Режиссёры и постановщики трюков – на съёмках. Разрешительный отдел МВД, налоговые инспектора, государственная власть... И ни разу я не сумел доказать свою правоту, хоть и старался. Мог только уйти на другое место, и там лучше не становилось. И сейчас тоже...

Богат я, а что толку? Теперь отвечаю не только за себя, но за штат сотрудников. Если прикроют лавочку, все останутся без работы. И винить будут меня – не гаишников. Как тоскую я по пьянящей, яркой и залихватской бедности прежних лет, когда был свободен и смел. Я и сейчас не трус, но вынужден юлить и договариваться. Положение обязывает считаться с общепринятыми правилами, что для меня – хуже смерти.

Дождь припустил сильнее. Заблестел асфальт, к которому уже прилипли жёлтые листья. Я хотел напомнить Калинину о том, что пора включить дальние фары, но он сделал всё сам. Стало совсем темно – не то утро на дворе, не то вечер. Сначала проскочили какое-то длинное – на весь квартал – здание в два этажа. Поставить его на попа – получится небоскрёб. А так – только место занимает. Дальше мелькнул поворот на ЦПКиО, к буддийскому храму. Справа, перед зданием районной администрации, торчала уродливая, облезлая лиственница. Я в очередной раз удивился, почему

её до сих пор не спилили. Она росла тут и во времена моего детства – когда мы ездили в парк кататься на коньках.

Тогда я был другим. На что-то в жизни надеялся. Набежала тучка – и уплывёт; вновь засияет солнце. А теперь еду в тумане, который, похоже, никогда не рассеется. Вспоминал трамвай «двойку» тех лет – с синим и красным огнями, как мой перстень. А потом – разноцветные гроздья лампочек над катком. Как всё было просто, ясно, легко. Жили скромно, но не тяготились этим. Думали, что счастье обязательно придёт к нам. А оказалось, что из всей нашей тогдашней компании в живых остался один я. А им было бы сейчас не больше тридцати семи. Как на войне побывали...

Я видел, что Аркадий борется с собой, хочет о чём-то спросить. Ничего, подождёт. Он потом целый день будет отдыхать в ожидании новой поездки – играть на компьютере или смотреть телевизор в холле. А мне придётся, ещё до визита гаишников, разобраться с текучкой. Каждое утро началось с того, что Светлана составляла для меня перечень неотложных дел.

Аркадий с шиком свернул к подъезду агентства. Охранник Саша Бобков выскочил из дверей – в ночном камуфляже и в фирменном берете с нашивкой – эмблемой нашей фирмы. На поясе у него болтались кобура и электрошокер. Распахнув передо мной дверцу джипа, он встал навытяжку. Мне всё это совсем не нравилось, приходилось мириться. Раз я – директор, значит, надо терпеть. Тем более, мои ребята не

станут ломать комедию перед нелюбимым шефом.

На крыльцо вышла и наша уборщица, мадам Ульянова. Она всегда улыбалась мне издалека, как родному. Я ей помог спасти сына от тюрьмы – оттого и почёт. Да ещё взял её в фирму после сокращения на работе. А, между прочим, мадам Ульянова окончила Саратовский университет имени Чернышевского. Это мне ещё и в плюс – даже уборщица с высшим образованием.

Пока, вроде, у них всё хорошо. Её сын, Владимир Ильич, теперь работает машинистом метро. Там за ним следят строго. Так что больше не напьётся и не устроит драку в чужом подъезде, как в тот раз. Теперь парню есть, что терять. Они с матерью долго жили в жуткой коммуналке, а теперь получили квартиру на Комендантском*. Так что полы драить мадам Ульянова умеет. Терпеть всякие неудобства – тоже.

Они с Бобковым увидели сапфиры на перстне и тихо слиняли. Я, одетый под чикагского гангстера, прошёл в приёмную. Плевать, что скажут гаишники – я сам себе хозяин. В раскрытое окно дул с залива влажный тёплый ветер; звенели планки жалюзи. В углу стоял пылесос «Ровента» – уборщица уже закончила свои дела. Если повезёт, я успею не только подготовиться к встрече с гаишниками, но и решить несколько мелких проблем.

План работы на день окончательно утверждали после доклада секретаря. Иногда я ошибался и автоматически называл Светлану Оксаной. Просто потому, что совсем недавно у

меня в гостевом помещении проживало целое семейство из Москвы. Самая старшая сестра сидела в приёмной. Та, что помладше, была уборщицей. Именно её и заменила мадам Ульянова. Были ещё два маленьких брата, но они никем не работали.

Привёз я их из Москвы четверых, а уезжали уже пятеро. Моя бывшая секретарша родила дочь. Ребёнка нужно было регистрировать по месту прописки матери – в Москве. За это время Оксана обещала решить, стоит ли возвращаться в Питер. Может, надо устраивать свою судьбу в столице, если получится. Сказать честно, я скучаю. Мне не хватает «пяти олимпийских колец». Такое прозвище дали весёлой семейке в фирме, потому что имена всех пятерых начинались на букву «О».

Конечно, Оксана не была бы собой, если бы не попросила у меня какое-нибудь задание – на время вынужденного простоя. Она категорически отказалась от всякой помощи и пожелала получать деньги только за работу. Младших детей она держит строго, хоть и самой только исполнилось девятнадцать. И постоянно внушает им мысль о недопустимости халявы – в любом виде. И так получилось, что их семья сейчас работает на мою фирму – в полном составе.

Для этого дела требовались дети – как можно больше. Слежка за домом на Дружинниковской улице в Москве не должна была открыться раньше времени. А поскольку нужный дом находился недалеко от Звенигородки, где жило се-

мейство Бабенко, можно было прогуливаться там с коляской сколько угодно. Что мои посланцы и делали – каждый день по два раза.

Одна из бандитских групп устроила явку в доме 11-а, где помещался магазин «Мишель». Сначала встречались непосредственно в торговом зале, а потом сняли над магазином квартиру. Теперь вот семейство Бабенко и болтается там подолгу – и с коляской, и без. Конечно, их подменяют и другие наблюдатели. Но всё равно ребята – молодцы. Кроме Оксани, все малолетки. Но им пришлось рано повзрослеть. В октябре прошлого года они остались круглыми сиротами. Тогда же выяснилось, что Оксана ждёт ребёнка...

– Шеф, у вас в приёмной дама сидит. Уже час, наверное, – сообщил Бобков тоном дежурного первоклассника.

= Какая дама? – удивился я.

Неужели так равно явилась клиентка? Значит, дело важное. Возможно, что срочное. Тогда она должна хорошо заплатить. Если Бобков её не знает, она здесь никогда не бывала.

– Пиковая! Роковая женщина – сразу видно. Даже дрожь по позвоночнику...

Цели её визита охранник знать не мог. Первичный опрос осуществляла Светлана в приёмной. Там клиенты, как правило, и дожидались меня. Агенты теперь здесь не появлялись – в целях безопасности. Их принимали в деревянном лахтин-

ском домишке. А там, где раньше обитало семейство Бабенко, теперь жила Светлана с дочерью Марьяной. Ребёнка не брали в детский сад до достижения трёх лет. В яслях малышка непрерывно болела, из-за чего Светлана лишилась прежнего места – в кассах «Аэрофлота». Оставалось дожидаться конца октября и с лёгким сердцем отдать Марьяну в младшую группу.

Девчонка тихонько возилась в дальнем углу приёмной – одевала куклу «Барби» в бальное платье. Я привёз ей куклу со всем гардеробом. Моя дочка Лёлька уехала в интернат при элитарной дошкольной гимназии. В куклы она вообще не любила играть, но зато бегать с пистолетами и автоматами обожала. В интернате Лёльке так понравилось, что она не хотела уезжать и на выходные.

Дети в гимназии уже перезнакомились, и сейчас приступили к занятиям. Предметов было навалом, но Лёлька не жаловалась. И я был доволен – меньше времени останется на шалости. Пусть занимается аэробикой и учит языки – всегда пригодится. А внешностью её и так Господь не обидел.

– Пиковая дама? Старуха, что ли? – удивился я.

Как правило, пожилые люди мою фирму не жаловали, а меня называли рвачом.

– Да нет, лет тридцать пять.

– Что она сказала? – Я понятия не имел, кто это может быть.

– Говорит, что по личному делу. Не клиентка, а просто

знакомая.

– Опиши её. – Мне стало совсем интересно.

– Рослая, яркая, эффектная. В китайском плаще нежно-изумрудного цвета. Внешность восточная. И фамилия на то же указывает...

– Она представилась? – Я уже узнал женщину. – Инесса Шейхтдинова?

– Да, именно! – обрадовался Бобков.

– На ней чёрные леггинсы и португальские туфли под крокодила?

– Точно!

– Она на машине? Ты показал, куда поставить?

– Да, на кремовой «восьмёрке». Загнали её на парковку, под навес.

– Ладно, иди, – разрешил я. – Тебе сейчас сменяться.

Бобков козырнул и быстро выбежал из коридора. А я отправился своей дорогой, прикидывая, что потребовалось Инессе Шейхтдиновой. Николаевой она так и не стала – несмотря на то, что вышла замуж за моего друга Сашка. Просто так, от скуки, она сюда не поедет. Значит, случай серьёзный.

В приёмной меня ещё не замечали, и потому разговаривали громко, свободно.

– Вот и загубили государство, потому что ещё двадцать лет назад плевали на безопасность!

Мадам Ульянова – в синем халате, галошах и резиновых

перчатках – стояла посреди помещения. Около её ног, как живая, отдыхала «Ровента». Приёмная благоухала бактерицидным шампунем. Листья пальм покачивались от ветра – Светлана тоже открыла окно. Под одним из этих экзотических деревьев и сидела Инесса Шейхтдинова. Светлана Ружецкая несла свою вахту за секретарским столом.

– Вы думаете, за что меня в психушку засадили?

– И за что? – спросила Светлана.

Мадам Ульянова выставила редкие зубы, а густые брови свела на переносице. Она была женщина крепкая, ширококостная, кудлатая, крашеная хной. Двигалась всегда стремительно, рассекая воздух выставленным вперёд правым плечом. Кривоватыми ногами она впечатывалась в паркет, в паласы и в линолеум. Казалось, под напором её бешеной энергии рухнут перекрытия, лопнут стёкла и провалится крыша. Потом выяснилось, что ей, физику по образованию, с трудом удалось освоить моющий пылесос. Девчонка Липка с ним справлялась играючи.

– Со мной в коммунальной квартире жил недобитый влаصةц! Я это точно знаю, хоть он и еврей был. Я всё разузнала о его прошлом. Он служил у немцев карателем, стрелял коммунистам в затылки. А после войны притаился. Ему удалось скрыться, а я решила вывести негодяя на чистую воду. Света, что бы вы сделали на моём месте?

Инесса молча шевелила пальцами бусы. Светлана растерянно кусала губы.

– Ну, в органы сообщила бы... Наверное, в КГБ. Это ведь не милицёрское дело.

– Вот именно – в КГБ! – Мадам Ульянова сдёргнула с рук резиновые перчатки. – И каков результат? Ноль!

– Неужели? – удивилась Инесса.

– Представьте себе! Я попала на приём к лицу, ответственному за розыск военных преступников. Принесла ему пули...

– Какие пули? – испугалась Света.

– Те, что сосед в туалет подкидывал!

– А когда это было? – поинтересовалась Инесса.

– В семидесятых годах. Потом в милиции порох из них высыпали, составили протокол. Мне велели немного в коридоре подождать...

– Может быть, он патроны подкидывал? В пулях пороха не бывает...

Я выглянул из-за дверного косяка и заметил, что на руке Инессы нет обручального кольца.

– Ну, патрон, какая разница! Не в том суть. Они все уже были связаны круговой порукой! И гитлеровцев покрывали на самом высшем уровне... – Мадам Ульянова сунула перчатки в карман.

– И чем дело кончилось? Вам не поверили?

Светлана разыскивала что-то в ящиках стола. Со времени гибели мужа она ещё больше похудела, несмотря на рождение ребёнка. Высокая, круто завитая блондинка в синем

брючном костюме и в белом блузоне, с широким обручальным кольцом на левой руке, она выглядела больной, измождённой. Светка рассказывала, что за сутки до гибели мужа потеряла кольцо, и нашла его только на девятый день.

– Не только не поверили, а вызвали психиатрическую «скорую помощь»! – Уборщица расхохоталась и хлопнула себя по коленям. – Прямо из коридора в дурдом забрали. А у меня дома пятилетний Володька. Муж уже сбежал к тому времени. Ладно, подруга забрала сына к себе, помогла, а иначе... Вот где корни нынешнего беспредела – там, в застое! Не прислушивались к сигналам, верили липовым справкам. В психушки сажали, кого не следует. Теперь, пожалуйста, над всеми бывшими райкомами – власовские флаги! Они победили. Одна радость – Финкельштейн не дожил. Помер пять лет назад от инсульта.

– Вам сказали, что он не был власовцем? Проверили это дело, или просто так вас забрали?

Инесса то и дело смотрела на часы. Видимо, она ждала меня с большим нетерпением.

– Сказали, что он, наоборот, политработником был на фронте. Имеет кучу наград. В плен никогда не попадал. Но всё это ложь, понимаете? Наглая ложь! Я через стенку слышала, как они с женой шептались...

– Здоровенько ночевали! – Я понял, что надо открыться. Иначе с мадам Ульяновой случится истерика. – Привет честной компании!..

Уборщица ткнула пальцем в пылесос:

– Сейчас только шампунь залию, и по приёмной пройдуся.

А кабинет ваш готов. Я к восьми утра приехала...

Инесса шагнула ко мне:

– Андрей, доброе утро! Я вижу, пока посетителей нет.

Примешь меня сейчас?

– А что случилось? – Я взял у Светланы папку с корреспонденцией.

– Я тебе всё расскажу. Можно пройти в кабинет?

– Светлана, до одиннадцати есть срочные вопросы?

– Пока нет. Если только неожиданно что-то появится...

– Тогда пошли.

Дождь ревел за окном так, что я убоился потопа. Лахта находится в низине. Кругом вода – заливы и разливы. Окрестные высотки плыли куда-то, как океанские лайнеры. Грязь вокруг раскисла и превратилась в болото. Вряд ли в такую погоду приедут клиенты. Подождут, пока солнце подсушит дорогу.

– Да, кстати! – Светлана заглянула в настольный календарь. – Андрей, тебе два раза звонил мужчина, один и тот же. А так пока тихо. Аверин Николай Николаевич его зовут. Сказал, что вы с ним знакомы...

Я даже не думал, что могу так отреагировать. Икроножные мышцы задрожали, во рту стало горько. Инесса встревоженно взглянула мне в лицо.

– Это, конечно, не моё собачье дело... Но ты его при-
мешь?

– А почему тебя это интересует? – Я старался сохранять
спокойствие.

– Потому я знаю, что ты пережил по его милости. И, самое
главное, чем он за это заплатил...

– Я тогда не за деньги работал. Пожалел его и сына. Стран-
но, конечно, что потом профессор Аверин даже не позвонил,
не пришёл в больницу. Впрочем, всё это быльём поросло.
Давай не будем терять время. У тебя же есть какое-то дело.

– Заплатить не только деньгами можно, – настырно гну-
ла своё Инесса. – И ты прекрасно это знаешь. Получилось
так, что я писала роман о тех событиях. Решила с Авериным
встретиться. Нашла его номер по справочному, позвонила...

– Ты говорила с ним?

Мне совершенно не хотелось, что всё это слышали Свет-
лана с мадам Ульяновой. Уборщица возилась с пылесосом у
порога, заливая шампунь. Её спина, обтянутая синим сати-
новым халатом, рыжий затылок выражали живейший инте-
рес.

– Да, говорила, – глухо ответила Инесса.

– Когда? – зачем-то спросил я.

– В марте позапрошлого года. Сразу после того, как мы с
тобой вернулись из Москвы. Вы только что закончили «дело
мясников». Между прочим, профессор тогда уже женился.

Даже год не подождал...

– Женился?! – Вот этого я никак не ожидал. – Приток, ничего не скажешь! А уж как убивался по благоверной! Впрочем, это его дело. Может, устал от тоски, от одиночества. На нем, интересно?

– На подруге своей погибшей дочери Ирины, продавщице из «Гостинки».

– Он тебе это сам сказал? – Я, наверное, довольно глупо моргал глазами.

– Нет, они в заграничном туре были. Медовый месяц, понимаешь ли! К телефону подошёл тот самый Антон, из-за которого ты столько выстрадал. Он ещё добавил, что мачехе двадцать три года. Можно на двоих с отцом её поделить...

– Сукин сын! – заявила мадам Ульянова из коридора.

– Минуточку! Только без эмоций. Что было дальше?

– Антон спросил, кто я, и что мне нужно от предка. Я объяснила всё, как есть. Ведь именно его тогда спасали. Если Антон поделится воспоминаниями о пребывании в плену у бандитов, буду очень признательна...

– Не рассказал?

По моим губам пробежали мурашки. Я примерно представлял, каков будет ответ.

– Он долго не мог понять, о чём идёт речь. А ведь ты говорил, что Аверин-младший клялся отмечать день своего освобождения как самый светлый праздник. Я напомнила про его девчонку, Лизу Сазонову, которую убили бандиты.

Антоша выразился в том духе, что он много с кем ходил. Теперь у него классная подружка, которая работает в Финляндии. Кем – уточнять не стал. И вообще, у них с отцом есть правило – о плохом не вспоминать, иначе жизнь покажется невыносимой. Про «баньку», оказывается, отец ему ничего не сказал. Но предка сынок не осудил. «Они же менты. Это – их работа» – его дословный ответ.

– Вот мерзавец-то! – не выдержала Светлана. – Его райотдел должен был искать, а не Главк, не «антимафия». После этого помогай людям...

– Я ему говорю: «Ребята отца твоего пожалели. Боялись, что он один останется!» – продолжала Инесса. – А он: «Могли бы и не жалеть. И довольно, мадам, мораль мне читать! Предок через две недели только явится. Хотите – звоните ему. Я всё равно забуду». И первый положил трубку.

– Вы позвонили отцу? – Светлана сморщилась, словно от зубной боли.

– Позвонила – через две недели. Кстати, сынок не забыл – передал наш разговор. Папочка вежливо сказал, что был об Андрее Георгиевиче лучшего мнения. Это плохой тон – постоянно напоминать о своих добрых делах. «Он свой служебный долг исполнял, и только! За это он и зарплату получает». Вот, пожалуйста, уже и писатели подключились! А тщеславие, гордыня – смертные грехи. Добро надо делать тихо, незаметно. Чтобы, как говорится, правая рука не знала... Кроме того, вы сильно расстроили моего сына. Заставили его

вспомнить те страшные дни. Так вот, милая моя, оставьте прошлое в покое. Живите, как и мы, будущим...»

Я тупо оглядывал приёмную и не понимал, где нахожусь. И это всё сказал жалкий, убитый горем вдовец, который едва ли не на коленях молил меня найти сына? В том, что Инесса дословно передаёт слова Аверина, я не сомневался.

– Я ему говорю: «Николай Николаевич! Вы что, не знаете, что с Андреем сделали бандиты? Что он лишь чудом избежал страшной смерти? Человек из-за вас муки принял...»

Аверин удивлённо ответил: «Да? Ах, правильно, что-то слышал... Надо быть осторожнее, вот и всё. Ведь капитан Озирский – специалист. Неужели я должен давать ему указания? А поскольку там всё кончилось счастливо, так и говорить не о чем!» Напоследок профессор порекомендовал мне не западать на жареные факты и не искать героизм там, где его нет». Вот, а теперь решай, что будешь делать...

Глаза Инессы стали такими же зелёными, как её плащ, как газон за окном.

– Верно говорят – бесплатное не ценится, – заметила Света.

– Что ж, откликнусь! Аверин звонил вчера и сегодня? – Я повернулся к секретарше.

– Вчера – в 21.15, а сегодня – в 8.03. Я попросила перезвонить до одиннадцати. Пока молчит.

– Что у него произошло? – Честно, мне хотелось набить профессору морду.

– Говорит, сын пропал. Тот самый Антон, – отчеканила Света. – Двадцать лет, работает банщиком в Сестрорецке.

– Раньше он трудился на «Фармаконе», откуда таскал эфедрин. Когда он пропал, ты спросила?

– Три дня назад.

– Где баня находится? – зачем-то спросил я.

– Минутку. – Света взялась за компьютерную «мышь». – Улица Мосина, дом четыре. Аверин говорил, что сын был на машине. У него «Жигули» шестой модели.

– Неплохо для начала, – заметил я. – Почему он обратился к нам? К бане близко?

– Сказал, что вы знакомы. Он знает тебя как блестящего профессионала. И, самое главное, как бескорыстного доброго человека. Антон не вернулся из бани после работы. В последний раз с ним говорила Рося, мачеха. Сын звонил из магазина «Сотка», который торгует импортной мебелью. Там работает девушка Антона. Адрес магазина – улица Савушкина, 119. И потом всё, исчез с концами...

– Светлана, слушай меня внимательно. Когда позвонит профессор, будь с ним вежлива. Назови наши расценки. Ведь для сына ничего не жалко, правда? Похоже, что они – люди не бедные. У меня здесь не собес. Первичное обращение – пятьсот долларов. Каждый день работы – столько же. Работа ночью – по двойному тарифу. Выезд за пределы города, вознаграждение агентам – всё за его счёт. Вот пусть сядет и посчитает, какую сумму всё это потянет, даже если

розыск продлится несколько дней...

– Ясно! – Света хитро улыбнулась. – Уж я ему задам жару!

– Только предельно вежливо, слышишь? Если будет выступать, переключи на меня. Больше никого не пускай – до одиннадцати.

– Можно мне пока выйти ненадолго? Я автоответчик отставляю. – Света вытащила из-под стола дочку и легонько шлёпнула её по мягкому месту. – Когда только тебе три года исполнится, егоза? Никакой работы с тобой...

– Закрой нас и иди. Так даже лучше.

Я кивнул Инессе, и мы вместе прошли в кабинет.

Инесса Шейхтдинова

Я даже не подозревала, как больно смотреть на слабость сильного, на позор славного. Вышло так, что я через пространство и время передала удар. Обрушила его на Андрея, не понимая, насколько тяжело ему всё это слушать. Но, с другой стороны, пусть знает, что представляет собой этот профессор. А то, чего доброго, опять бы пожалел, сделал скидку. Я не допущу, чтобы Озирский выглядел лохом – даже если для этого придётся сделать ему больно.

Кабинет директора агентства дышал достатком и довольством. Он был набит новейшей техникой и престижнейшей метелью. Кстати, здесь ведь работает и мой супруг. А я и забыла! Вспомнила лишь, когда увидела факсимильный аппа-

рат «Панасоник» Сашка говорил, что он только кофе не подаёт. Ворчал, что Андрей выкидывает деньги на ветер.

– Инка, пива хочешь? – спросил Озирский, открывая холодильник.

– В жизни эту дрянь не пила, – с чувством ответила я. – Тебя что, уже к бутылке потянуло? А то, знаешь, пивной алкоголизм – штука страшная...

– От такой жизни потянет, – проворчал Андрей. – Это только с виду здесь красиво. А мне всё Литейный снится. Иногда так прижмёт – хоть вой. Так ведь не бросишь же фирму!

– Значит, мы оба ошиблись, – заметила я. – Ты – со своим агентством, а я – с замужеством.

– Это неудивительно, – спокойно ответил Озирский, наливая себе датского светлого пива, а мне – «Фанту». – Я вас с Сашком предупреждал. Не послушались – ваши проблемы...

– Ты только не думай, что мне была нужна исключительно квартира. Этого-то я добилась. А вот на душе – полный мрак. Три недели только прошло со дня свадьбы, а я уже о разводе думаю. Такое впечатление, что я с огромным трудом открываю дверь, а за ней тут же оказывается следующая. И её опять нужно открыть. Всю жизнь так – будто заколдованная. Вроде бы, переехала в прекрасную квартиру. Оставила позади весь этот ужас на Тихорецком...

– Ты родственникам уступила тот метраж? – Озирский с

наслаждением выпил холодного пива.

– Да, и с огромным удовольствием. – Я тоже глотнула «Фанту». – Агнесса, царствие небесное, хлестала что пиво, что водку, что самогон. Наверное, поэтому и скончалась на сороковом году жизни...

– Так она же от родов умерла, ты говорила! – удивился Озирский.

– Да, именно. Сердце не выдержало наркоз во время кесарева. А почему? Потому ни к чёрту уже не годилось. Дебила Алёшу Николай тут же в интернат сдал. Другой мой племянник, Серёга, с отцом в квартире живёт. Младшая, Александрина, у тёти Маруси. И собаку, добермана, на лето туда отправили. Мамина сестра хочет Николая тоже в ПНИ поместить, а квартиру своей дочери отдать. Они там, в Дибунах, как селёдки в бочке. И никаких перспектив получить площадь в городе. А за это я попросила заботиться о дочери Агнессы, взять её под опеку, а меня не тревожить. Сейчас девчонке полгода. Вроде, никаких отклонений. Такая нежная, голубоглазая. И тихая – даже плачет беззвучно. С одной стороны, жалко её. А с другой – страшно. Родители – пьяницы, так какие там ещё пороки вылезут?...

Дождь кончился, выглянуло солнце. И я вздрогнула, заметив, как постарел Андрей. Его прекрасная матовая кожа была в мелких морщинках, а между бровями залегла глубокая борозда. Хотя, конечно, ничего удивительного. Ведь он уже дед.

– Так в чём дело? – Андрей незаметно покосился на часы.

– Я к тебе пришла как к Сашкиному шефу.

– Интересно, – усмехнулся Андрей. – И что этот негодяй опять натворил?

– Он, понимаешь ли, постоянно старух в квартиру водит, – объяснила я. – Ты ему поручал это делать?

– Интересно! – вскинул брови директор фирмы. – Раньше он водил девочек. Ориентацию сменил, что ли?

– Да нет, я не о том. Сашка оказывает нотариальные услуги на дому...

– Ничего особенного, – перебил Андрей. – Нотариус может выезжать на дом. Как раз к старухам или к инвалидам. К тем, кому не прийти в контору.

– Ты не понял, что ли? Он не к ним выезжает, что было бы нормально, а приглашает их в нашу квартиру. Бабки эти вполне себе ходячие. Сашка сказал, что им в Лахту ездить неудобно, поэтому он принимает их на Васильевском. Причём бывает и так, что он за некоторых и платит сам. Если, конечно, не выходит слишком дорого. Например, копию документа заверить. Теперь бабушки к нам валом валят. И каждая хочет, чтобы ей скидку сделали – за счёт вашей фирмы.

– Ерунда какая-то! – поморщился Озирский и допил пиво. Потом бросил в рот горсть солёных орешков. – Давай сначала, и как можно подробнее. Я об этом ничего не знал...

– Вкратце дело обстоит так, – начала я. – Николаев Алек-

сандр Керимович принимает у себя на квартире граждан, коим оказывает нотариальные услуги в пределах полномочий, указанных в лицензии. Эти граждане, а чаще гражданки преклонного возраста, прибывают к нам и днём, и вечером. Кстати, и по субботам тоже – весь день. Бывает, что устраивают очередь на лестнице. Когда соседи стали ругаться, Сашка разместил клиентов в прихожей...

– Ничего не понимаю! – честно признался Озирский. – Он не имеет права делать это дома. Или здесь, или – на выезде.

– Я в этих делах ничего не понимаю. Но ты, как непосредственный начальник, можешь запретить ему самодетельность. – Я вспомнила весь этот ужас и занервничала. – Короче, некоторые пенсионерки завещания оформляют по десять раз и больше. Поругаются с одними родственниками, и переписывают на других. В доме постоянно стоит гвалт, двери не закрываются. Пол грязный, как в парадном. Нет покоя в течение всего дня и вечера. Бабушкам, конечно, всё это нравится. А мне – нет. Сашка неплохо устроился. Сам ехать к ним не хочет, а приглашает к себе. Да ещё телефон постоянно звонит – к нотариусу ведь записываться нужно заранее. Зато слава у него среди этой публики – как у святого...

– Ого! А мы со Светкой всё недоумеваем, откуда берётся уйма клиентов. Вроде бы, сюда столько и не приходит. Если бы Сашок крысятничал, придерживал деньги за услуги – понятно. А он, ты говоришь, ещё и доплачивает?

– Именно так. Наверное, ты ему слишком много платишь

– девать некуда, – горько пошутила я. – Муж ведь должен с женой считаться. У него не частный кабинет на дому. Публика – что надо. Костыли, палки, вонь. Внешний вид – соответственный. Правда, приехать с другого конца города им ничего не стоит. От постоянных звонков по телефону и в дверь я начинаю сходить с ума...

– Я скажу ему, чтобы прекратил. Иначе выгоню к чёртовой матери, и добьюсь отзыва лицензии! – отрезал Озирский. – Тогда он не сможет работать – ни дома, ни где-то ещё. И ты, со своей стороны, спуска не давай. Я только в этих стенах могу ему приказывать. А ты – дома.

– Пожалуйста, помоги, сделай милость! – взмолилась я. – А то они ещё и воруют...

– Неужели? – опешил Андрей. – Что именно?

– А всё, что под руку попадётся. Сашкины швейцарские часы. Миниатюры работы его сестры, Софьи. Мой кошелёк увели. Даже пластмассовую американскую чашку, какие на презентациях раздают. Сашка одной из старух принёс водички, да и забыл. А та захотела унести диковинку в штанах. Самое интересное, что чашка выпала оттуда – прямо мне под ноги. Бабка, конечно, посинела со страху. А мой благоверный поднял чашку и подарил воровке, тем самым реабилитировав её. Мы, говорит, ещё достанем, а несчастному пожилому человеку – радость...

– Ну, тут я ничего сделать не могу. У себя в квартире он – хозяин. И над чашками, и над швейцарскими часами. А

ты, раз страдаешь от этого, возьмиись за него не по-детски. Самое простое – спрятать все свои вещи. А я тем временем меры приму...

Сашка думает, что я всё забыла. Ходит молиться к Николе Морскому, старушек ублажает, говорит елеиным голоском. Вот-вот крылышки вырастут. Но я помню, кто он есть. Может быть, одна на всей земле...

Помню Идочку Лешгорн – маленькую, худенькую пианистку в очках. Она училась с нами в английской школе, а с Сашкой – ещё и в музыкальной. Влюбилась в Сашку, дурёха. Он тогда ещё Минцем был. Я, по простоте душевной, ему об этом сказала. Подумаешь, зрение минус шесть, и пластинка на зубах? Зато подаёт большие надежды! И дед у неё – композитор.

Но ничего у меня не вышло. Я переоценила степень своего влияния на Минца. Он просто решил завладеть мной – ещё тогда. И ведь завладел – спустя столько лет. Правда, вряд ли это хорошо для него кончится...

Идочка часто гуляла с собакой под Сашкиными окнами. У Лешгорнов был громадный водолаз. Я часто видела, как девчонку и пса хлестал свирепый штормовой ветер. Бывало, приезжал вечером с завода Лев Бернардович. Приглашал Идочку в гости или отвозил домой. Кстати, отца своего Сашка тоже предал – назвал чужим дядей. Столько вложил в него Лев Бернардович – и сил, и средств. А тот азербайджанский

сердцеда даже ничего не знал о сыне. В итоге бастард носит его отчество и фамилию своей недобродетельной мамыши...

Я привлекала Сашку своей недоступностью. Была недоступна, как линия горизонта. И все эти годы он упорно добивался своего. А вот теперь он пытается уже мной командовать. Строит из себя главу семьи. И не знает того, что я отомщу ему. За всех, кого он убил. Пусть не своими руками, но убил. И я так же убью его.

Тогда Сашка сказал, что не может ответить на чувства Иды, потому что любит меня. Я ответила, что в гробу видела его любовь. Но если это действительно так, пусть перестанет мучить Иду.

– Я не могу запретить ей предаваться пустым мечтам! – ответил отличник и комсомольский активист Александр Львович Минц.

Тогда он и не помыслил бы о том, чтобы пойти к Николе Морскому и помолиться.

– Но, если хочешь, я встречусь с ней и постараюсь убедить...

Убеждение закончилось тем, что Ида Лешгорн выпила горю снотворного. Её водолаз заболел и околел через месяц. Сашка пришёл на похороны Иды, как ни в чём не бывало. Сказал трогательную, правильную речь – без сучка и задоринки. Был октябрь, светило яркое солнце. По примете, Ида очень хотела умереть. Конечно, хотела, раз наложила на себя руки.

Помню синее безоблачное небо, белый маленький гроб, цветы, чёрные платки родственников. Сашка принёс венок – от школы. Сам был с комсомольским значком и с папкой под мышкой. Строгий чёрный костюм, белая рубашка, галстук – прямо картинка.

А я тогда готовилась с позором покинуть школу. Сначала осталась на осень, потом – на второй год. Категорически отказалась вступать в комсомол. Минца интересовало, оставила ли Ида записку. Ведь там он мог быть объявлен виновником случившегося. Но Ида всегда была тихоней, и ушла неслышно.

Без очков лицо Иды стало незнакомым, новым. Она как будто спала, и даже на щеках проступал румянец. Потом я поняла, что щёки покойницы подкрасили. Сашка наседали на мать Иды, чтобы выпытать насчёт записки. Так ведь можно и золотой медали лишиться, и карьеру себе испортить. Безутешная мать была растрогана таким вниманием, и постоянно благодарила активиста.

Иду не разрешили кремировать – из-за сомнительных обстоятельств смерти. Из морга больницы имени Ленина её повезли в Невский район, на кладбище. Путь был дальний. Синело осеннее небо, и ветер рвал последние листья с деревьев. Когда гроб открыли, один из них упал на лицо Иды, и Сашка нежно, ласково снял его пальцами. Он был благодарен Иде за то, что ушла неслышно, не потянула его за собой. Потом я за это вlepила Сашке пощёчину – уже на выходе с кладби-

ща. Никто ничего не понял, кроме нас двоих. И Сашка благородно простил меня, вызвав новую волну восторгов.

Ида Лешгорн была первой. Сашкины жертвы раскиданы по шести кладбищам Питера, а прах одной из них замурован в колумбарии. Андрей не знает об этом. Вернее, знает не обо всех жертвах. Он в курсе истории с Люсей Филаретовой. Та была связной между РУБОПом и его бандитской агентурой. И погибла по Сашкиной вине – он «засветил» Люсю перед противником, нарушив правила конспирации.

А Лилия Грачёва, которая лежит теперь на кладбище имени Жертв Девятого января? Сашка ходит туда часто, но не для того, что покаяться. Он твёрдо считает, что каяться должен муж его любовницы, Всеволод Грачёв. Об этом Андрей тоже знает. Там вообще-то тёмная история, но формально всё в рамках закона. Откуда-то Сашка взял, что его друг и однокашник убил свою жену, узнав о её измене. И теперь постоянно поднимает этот вопрос, якобы добиваясь справедливости.

Мой теперешний супруг всегда считает себя правым. Его одежды белые, совесть чистая. Он лезет всех обвинять и судить – особенно когда сам так иначе причастен к трагедии. Вроде той, что произошла с Ташей Лузиной, штурманом из экипажа гоночной машины. Сашка путался с Татьяной целый год. Тогда им было по двадцать.

А однажды, прямо перед отъездом любимой на соревнования, сказал, что раздумал жениться. И опять сослался на

меня. Зарёванная, несчастная, гонщица улетела в Болгарию. Там она, находясь в аффекте, продиктовала пилоту неверную скорость. Произошла страшная авария. Лузина погибла, а девочка-пилот осталась инвалидом. Татьяну привезли в Ленинград и похоронили на Киновеевском кладбище – рядом с родственниками.

Я один раз была там – вместе с нашей общей знакомой. Та показала мне могилу Таши, а потом мы вышли на набережную Невы. Река почему-то показалась мне особенно страшной, вздувшейся, прямо-таки чёрной. Может быть, потому, что в ней отражалось предгрозовое небо.

– Представляешь, она ведь чуть замуж не вышла. Парень – красавец, умница. Ну, прямо ни одного недостатка... Уже платье присматривала, фату. А жениху любовница, сучка, нож к горлу приставила. Представь, зовут её, как тебя – Инесса. Женись, говорит, на мне, а ты в университет пойду – к декану, ректору. Всю карьеру испорчу. Он Ташке и отказал. Ревела она страшно. С тем и на гонки поехала...

Уж не знаю, всё Сашка придумал, или девчонки что-то от себя добавили. Но без него подружки Лузиной ничего узнать не могли.

Жених долго не горевал. Вскоре, избавившись от Татьяны Лузиной, он нашёл в Зеленогорске Марию Болошину. Её потом убил родной отец, которого потом прикончили зэки в зоне. А товарищ Минц не посадил на своей чистейший фрак ни одного пятна. Отца Маруленьки признали вменяемым и

осудили. А ведь его в своё время контузило на стройке – при проведении взрывных работ.

Маруленька предупреждала, что отец временами становится бешеным, и может прикончить. Очень просила Сашку не присылать ей домой писем, тем более любовных. Сашка, конечно, пропустил всё мимо ушей и написал – из стройотряда. Болошин прочёл письмо и понял, что дочка с кем-то путается. Пришёл домой пьяный и ударил её ножом прямо в сердце. Александр Львович сказал следователю, что не отнёсся к предупреждению всерьёз. Многие, мол, угрожают убить, но редко кто действительно убивает.

А дорогу в Кузьмолово Сашка наверняка позабыл. А ведь там жила одна из его пассий – ослепительная блондинка Нина Лунёва. Настоящая «королева бензоколонки» – все мужики шеи выворачивали. А она, конечно, на Сашку запала. Тот исключительно к Нине ездил заправляться, и свёл её с ума. Они даже собрались ехать в Крым на бархатный сезон.

Но у Нины был двухлетний сын Глебка. И Саша поставил условие – малыш должен остаться в Ленинграде. С ребёнком никакого отдыха не получится. Нина оставила Глеба с бабкой в Агалатово. Когда приехала, оказалось, что тот из лимонадной бутылки выпил растворитель, а наутро умер в больнице.

Нина позвонила своему рыцарю, который как раз гулял на дне рождения Льва Бернардовича. Но любимый не согласился прервать веселье, приехать и утешить, хотя в Крым ездил

на Нинины деньги. Сам тогда сидел без работы. Лунёва повесилась через сутки, и была похоронена в одной могиле с Глебом. Ей было всего двадцать восемь лет.

А о той, что в колумбарии, я ничего не знаю. Слышала, что звали её Ольгой. Эта, кажется, попала под электричку на даче. А, может, нарочно бросилась – не знаю. Естественно, случилось всё после того, как любимый растворился в утреннем тумане.

Это только погибшие, а сколько морально искалеченных? Тут до утра придётся вспоминать. А о скольких жертвах любви я ещё не знаю? Кажется, прежняя секретарша, Оксана Бабенко, неравно к Сашке дышит. Как бы с ней плохо не кончилось...

– Инка, у тебя всё?

Андрей журился от яркого солнца. Бриллиантовые капли переливались на стёклах, на рамах, разбивались о подоконник.

– Нет, не всё. Я ещё об одном тебя попросить хочу...

– Насчёт Сашка? – догадался Озирский.

– Именно. Не мог бы ты его куда-нибудь услать, да подальше? Как в той квартире покоя не было, так и в этой нет. А я отдохнуть хочу. Не железная ведь.

– У вас уже серьёзные конфликты начались? – удивился Андрей. – И что думаешь делать?

– Разведусь, наверное. – Я действительно так и решила.

– Вот те на! – Андрей откупорил бутылку «Тархуна», разлил по бокалам. – Ты сгоряча-то не руби. А вот отдохнуть друг от друга вам нужно. Заодно и чувства проверите. Это ты верно придумала – отправить его в командировку. Может, потом и помиритесь. Не для того мы с Фрэнс вас женили, чтобы через месяц брак распался. Что тебя ещё, кроме старух, в нём не устраивает?

– Да как тебе сказать? Многое. Не хочется влезать в интим, но придётся. У нас с ним разные представления о том, как нужно вести себя дома...

– Интересно! – Рука Озирского дёрнулась, и «Тархун» плеснул на маленький круглый столик. – Вот уж этого я от друга не ждал. Ведь, кажется, вышколен отменно. За этим Лев Бернардович покойный очень строго следил.

– Видел бы Лев Бернардович, как его Алик голышом по квартире разгуливает! – Я уже не могла говорить спокойно. – Такого не было даже на Тихорецком. Николай хотя бы трусы надевал...

– Ничего не понимаю? Неужели Сашок на такое способен? Это когда и где случилось? – Озирский, кажется, даже забыл про гаишников.

– На кухне. Утром, после брачной ночи, – сгорая от стыда, призналась я. – Решил, видимо, что теперь я скотина.

– Ну-у, Инка, ты больно строга! После брачной ночи чего не бывает! – рассмеялся Андрей. – Вы ведь вдвоём находились в квартире?

– Значит, ты считаешь это нормой? – окрысилась я. – И сам бы мог так пойти?

– И рад бы, да слишком сложно. Выйдешь в коридор, а там Женька фуэте крутит, или Лёлька на роликах носится. Да ещё Изольда Кимовна несётся по своим делам...

– Как бы там ни было, но я не желаю такое видеть! После свадьбы Сашка даже смотреть на меня по-другому стал. Пришлось обварить ему яйца кипятком – чтобы в себя пришёл. А то явился – в костюме Адама и в полной готовности...

– Да ты что! – испугался Андрей. – Гляди – без ребёнка останешься.

– Ничего, на этом кобеле всё без следа заживает! – со злостью ответила я. – Ты pomoжешь от него хоть ненадолго избавиться?

– Вот ведь – ни тёщи нет, ни свекрови, а всё равно проблемы! – тяжело вздохнул Озирский. До приезда гаишников оставалось десять минут. – Куда бы его, одноглазого, отправить? В Москву его отпустишь?

– Да хоть на Чукотку! Думаю, что Сашка там нужен больше, чем здесь.

Я уже воображала свои свободные вечера, вдвоём с прекрасным персидским котёнком. Этот чёрный чертёнок то спал на моих газетах, то носился с мячиком по всей квартире. И спали мы с ним в одной постели, что очень не нравилось Сашке. Если у меня что-то болело, тёплый комочек прижимался к этому месту и избавлял от страданий.

– Значит, договорились. Пусть Сашок в Москве поживёт, с семьёй Бабенко. Не дело, что дети одни остались. Нужен кто-то взрослый, особенно на завершающем этапе. Они ведь там тоже задание выполняют.

– А Оксана разве не взрослая? – удивилась я.

– Девятнадцать лет – мало. К тому же, у неё ребёнок. Тяжело всё на себе тащить. Да и вообще, мужчина в доме нужен. При случае молодую семью изобразят, чтобы не вызывать подозрений. И защитить детей Сашка сможет – даже в нынешнем своём состоянии. Сколько он там пробудет, не знаю. Всё зависит от того, когда возьмём «клиентов»...

– Как я тебе благодарна! – С моего сердца словно свалился камень. – Хоть поживу по-человечески. А то с работы приедешь, и дома не расслабиться.

– Об одном предупреждаю, – Озирский понизил голос. – Сашок может спутаться с Ксюшей Бабенко. Как ты на это помотришь? Я не буду виноват?

Андрей взял по списки кресла пиджак, надел его и застегнул на четыре пуговицы.

– По-моему, виноваты будут они. – Меня удивила странная постановка вопроса. – Всё равно свинья грязи найдёт.

– Значит, решено? Тогда я зову Светлану...

Он нажал кнопку. Вошла секретарша, которая постоянно носила на лице печать вдовьей скорби. Она убрала бокалы, вытерла фланелью столешницу, а потом вернулась с блокнотом. Озирский в пулемётном темпе продиктовал приказ, по-

тому что гаишники, наверное, уже подъезжали к офису.

– Когда Сашка уедет? – с замиранием сердца спросила я. Светлана вышла, постукивая тонкими каблуками.

– Сегодня, во второй половине дня, отдам распоряжение. Светка билет ему закажет, курьер привезёт. Так что или завтра, или послезавтра попрощаешься с мужем... Что, Инка, довольна?

– Слов нет! – Я поспешно вскочила с вертящегося стула. – Прости, что время отняла.

– Рад был пообщаться. Мы же друзья. – Андрей ещё раз посмотрел кабинет.

Мне стало жарко и весело.

– Ты только Сашке не говори, что я об этом просила.

– Ещё чего! Он воспримет командировку как обычную служебную необходимость. Пойдёшь мимо Светки, скажи – пусть варит кофе «Нестле».

Когда я проходила через приёмную и передавала секретарю распоряжение шефа, на гостевых креслах ещё никого не было.

Я отправилась на берег Финского залива, выбрав достаточно сухую тропинку, сложенную из бетонных блоков. Надев солнечные очки, я расположилась на катушке с кабелем. Смотрела, как вспыхивают солнечные искры на слабеньких волнах – ветер совершенно стих. Вдыхая запах воды и тины, я наблюдала за жирными чайками. Они уже скользили по во-

де, предвещая хорошую погоду.

По правую руку от меня торчал недостроенный дом. За спиной шумел мотор легковушки – наверное, прибыли гаишники. Ласковое тепло разморило меня. Хотелось спать, спать, спать – целыми сутками. Никогда бы не подумала, что так близко от Лахты громоздятся новостройки Васильевского острова и Голодая. Почему-то именно здесь Питер казался очень маленьким.

Почему-то вспоминалась наша с Сашкой свадьба – совсем недавно, шестнадцатого августа. Всем распоряжался Озирский. Они с Франсуазой и стали нашими свидетелями. Больше мы никого не позвали. Многолюдные пьяные сборища надоели мне ещё в детстве. Кстати, о предстоящем бракосочетании мы никому, кроме Андрея с супругой, не сообщали.

Моя старшая сестра Агнесса умерла двадцать второго февраля. Её вдовец Николай с тех пор вообще не просыхал. И Сашка приютил меня в своей квартире – на правах обычной жилички. Но многие думали, что мы живём уже давно, и бракосочетанию ничуть не удивились.

Нас часто навещал Сашкин племянник Юрка Даль. Его жена Нелли лежала в Педиатрическом на сохранении. Три раза она выкинула. Это была её четвёртая беременность, и роды ожидались в начале декабря. А вот золовка Софья Львовна почему-то заходила редко и ненадолго. Постоянно отговаривалась тем, что плохо себя чувствует.

Сон сморил меня окончательно. Мелькнули потемневшие

избы деревеньки в Гомельской области, окрашенная серебрянкой оградка фронтальной могилы. Сашкин родной отец, Керим Алиев, очень просил навестить его брата. Жалел, что того похоронили не по мусульманскому обряду. Но и то хорошо, что местные жители тщательно ухаживают за могилой. Они часто приходят туда посидеть, для чего поставили скамеечки. Как сказали нам в деревне, этого парня живым фашисты бросили под танк.

И с фотографии на обелиске с красной звездой на нас смотрел тот же Сашка, только в старой военной форме. Третьей такой копией был, к сожалению, бандит Али Мамедов. Лежащий в земле Герой Советского Союза приходился им обоим родным дядей. Мы положили к обелиску свои цветы, хотя там и так было много букетов. Полевые цветы, впере­мешку с садовыми, образовывали настоящий живой ко­вёр. И Сашка сфотографировал могилу, чтобы показать снимок своему отцу.

Потом мы гуляли в поле, перелезали через коряги, исследуя места сражений второй мировой войны. Из-под резиновых сапог сочилась жижа, и дышать было тяжело. Мы молча сидели на бревне, смотрели на аистов. Их гнёзда встречались в каждом дворе. Белые птицы и сейчас незримо присутствовали рядом, парили над Финским заливом. Они ведь всегда живут у воды...

Я с трудом поднимала веки – так разомлела на осеннем солнышке. Песок вдоль залива прибил утренний ливень. Тут

мой покой бесцеремонно нарушили. Сзади посыпались камешки, зашуршали шаги. Я обернулась и увидела уборщицу из агентства, которую Андрей называл мадам Ульянова.

Потная, медно-седая, в синем халате и с ведром в руке, она спустилась к заливу. Широко улыбнулась редкими зубами, а потом указала на свои резиновые сапоги.

– Вот, помыть хочу. Тепло, как летом!

Уборщица из-под руки посмотрела в сторону Васильевского острова.

– Когда вы из кабинета ушли, опять Аверин звонил. Света назвала расценки, как условились. Аверин так разорался – даже мне слышно было. Рассвирепел и потребовал директора к телефону...

В узкие, зелёно-карие глаза мадам Ульяновой светило солнце. Накрашенные морковной помадой губы вздрагивали, растягивались, шевелились.

– Света на него переключила, а тут уже товарищи из ГАИ подъехали. Так Аверин шефу: «Рвач, подонок, совесть надо иметь! Готов с людей последнюю рубашку снять!» Потом вообще на «ты» перешёл, профессор-то этот! «Думаешь, управы на тебя нет?» Андрей Георгиевич только и сказал: «Я вас слышал». И положил трубку. Но мы-то со Светом видим, как ему обидно. Всё лицо набок... Света Аверину пригрозила в суд подать. Говорит, что у нас все разговоры записываются. Тот сразу трубку – бряк!

– Козёл! – сказала я и поднялась на ноги.

Что делать? Идти к Озирскому? Успокаивать? Нет, не получится – у него посетители. Схожу к заливу вместе с мадам Ульяновой. А то слишком засиделась. Ноги отекли, и в голове шумит.

– Сколько тины за ночь нанесло! Вчера ещё не было, – удивилась уборщица, оглядываясь по сторонам. Чайки орали прямо над нашими головами.

– Ливень был. И шторм, наверное.

Я остановилась у самой кромки воды. Действительно. На сером песке громоздилась куча вонючих водорослей. Мне захотелось опустить руки в прохладную прозрачную воду. Мадам Ульянова шлёпала по мелководью – вкось, боком. Чем-то она напоминала крупную каштановую дворнягу.

Уборщица выдрала пучок травы и принялась мыть свои резиновые сапоги. Рядом, на волнах, качалось пластмассовое ведро. Мадам Ульянова подошла поближе к куче тины и вытянула шею. Вдруг она побледнела и мотнула головой, сверкнув александритами в ушах.

– Смотрите, там лежит кто-то!

Подняв веер брызг, мадам Ульянова подбежала к куче совсем близко. Я подошла тоже, и увидела торчащую из-под изумрудной бахромы человеческую руку. На кожаном рукаве белели ракушки. Я сразу решила, что рука принадлежит подростку или юноше. Буроватые острые костяшки, обкусанные ногти, тонкое запястье.

– Он ведь мёртвый уже?...

Мадам Ульянова стиснула ладонями щёки и раскрыла рот. Похоже, ей не хватало воздуха. Меня тоже затошнило. Мы обе каждый день видели убитых по телевизору, но никогда – в натуре.

– Конечно, живым он быть не может.

– Наверное, Андрею Георгиевичу нужно сказать, – предложила уборщица.

– Естественно.

Я испытывала сильное желание поскорее отсюда уйти. Ведро прибило волнами к безжизненной руке. Мне казалось, что холодные пальцы шевельнулись. Нет, это просто рябь скользнула по воде.

Мадам Ульянова так и оставила ведро плавать около тела. А сама, хрустя камешками, взбежала на откос. Я вскарабкалась следом за ней, не найдя в себе сил остаться рядом с покойником. А вдруг он там не целиком? Например, отрезанная рука? Я обернулась, и уже с откоса увидела ногу. Пегие от тины и грязи джинсы, кроссовки чёрного цвета с белыми вставками...

А дальше мы обе побежали к офису. Сапоги мадам Ульяновой позволяли совершать такие кроссы. Я же два раза чуть не оставила туфли в разъезженных колеях. Видимо, мы были весьма непрезентабельны, потому что охранник брезгливо поморщился. Но ему пришлось пропустить уборщицу. К тому же, было видно, что мы с ней знакомы.

Приёмная была залита полуденным солнцем. Лампы Све-

та погасила. Увидев нас, перепуганных и встрёпанных, она приподнялась за столом.

– Пока нельзя – всё ещё сидят... А что случилось?

Марьяна стояла рядом с матерью с цветной вертушкой в руке. На нас она смотрела с огромным интересом.

– Там, на берегу, кажется, мёртвый человек. – Мне не очень-то легко далась эта фраза.

У Светланы от ужаса расширились зрачки. Она ослабела и не смогла удержать уборщицу, которая вихрем ворвалась в кабинет Андрея. Тот сидел за своим столом. В том кресле, где недавно отдыхала я, устроился лысый дядька в серой форме – полковник. Другой гаишник, крепыш лет тридцати, в чине капитана, ёрзал напротив. Видимо, они были не только коллегами. Иначе полковник из-за капитана не поехал бы к чёрту на кулички.

Лицо Озирского было бескровным. Гаишники же, напротив, сияли румяными физиономиями. Я не поняла, как именно прореагировал Андрей, увидев нас, но посетители очень удивились. Солнце ярко отражалось от их звёздочек, пуговиц и значков.

Пока я раздумывала, как сообщить Андрею о страшной находке, мадам Ульянова крикнула:

«Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!»

Да, всё верно, лучше классика не скажешь. Уборщицу трясло. Светлана качалась в дверном проёме, как тонкая рябина. Марьяна скакала по приёмной на одной ножке, встря-

хивая льняными локонами. При этом у девчонки были совершенно чёрные глаза. Общая суматоха её только веселила.

– Вы пойдите, взгляните. Он там лежит – прямо напротив наших окон. Его уже всего тиной накидало...

– Тело?!

Андрей вскочил, будто подброшенный пружиной, и рванулся к двери. На пороге он вспомнил про гаишников. Те заспешили, подбирая со столиков свои фуражки, а с ковра – кейсы. Кофейные чашки саксонского фарфора и полная пепельница создавали в казённой атмосфере офиса некое подобие домашнего уюта.

– Где он? На заливе?

– Ага. Головой в воде, а ногами – на песке, – уточнила мадам Ульянова.

Полковник и капитан, оба с толстыми обручальными кольцами, растерянные и молчаливые, последовали за Андреем. Светлана закрыла дверь директорского кабинета на ключ.

– Надо скорее милицию позвать, – продолжала уборщица. – А то подумают, что его здесь убили...

– Разберёмся. – Андрей повернулся к гаишникам. – Вы меня подождёте? Я ненадолго. Гляну только, в чём дело. А это не пьяный, случаем? Здесь ведь кабак неподалёку открыли, в подвальчике...

– Да какой там пьяный?! – возмутилась мадам Ульянова. – Мы вот вместе видели – покойник натуральный. Парень

молоденький, в джинсах. Бежим скорее, вдруг другие увидят?...

Дальнейшее напоминало сцену из клёвой трагикомедии. Так, по крайней мере, мне казалось. Первым под горку, легко перепрыгивая через канавы и кучи строительного мусора, бежал Андрей. Очень уж у него это красиво получилось. Серебристый галстук бился на ветру, пиджак расстегнулся, а итальянские туфли почти не касались земли.

За ним, на почтительном расстоянии, боком, семенила мадам Ульянова. За ней – оба гаишника, с кейсами и в фуражках. Потом – я – взмокшая и растрёпанная, как ведьма. И, самая последняя, трюхала Светлана, прижимая к себе Марьяшку. В хлипких босоножках на высоких каблуках бежать было хуже всего. Да на руках визжал ребёнок, которому всё это очень нравилось.

Конечно, девчонке надоело бродить по скучной приёмной. А тут она выбралась на солнышко, к заливу, куда ходить одной не разрешалось...

Наш усопший лежал смирно, не привлекая к себе внимания. Совсем рядом два мужика рыбацкого вида отталкивали от берега лодку. Орали мальчишки лет десяти, у которых только что кончились занятия в школе.

Марьяна сползла с материнских рук, храбро приблизилась к трупу и вытащила из-под него стёклышко. Это оказался синий страз. Озирский немедленно отобрал находку. Не об-

ращая внимания на хныканье девочки, завернул её в носовой платок и положил к себе в карман.

Гаишники смотрели на происходящее молча. На службе они, наверное, привыкли к подобным ситуациям. Впрочем, наш жмурик*, весь в кровавых пятнах, не смытых водой, выглядел ужасно. Андрей полароидом снял тело в тине с нескольких сторон, а потом счистил тину с лица.

Я посмотрела на толстого капитана и заметила на его щеке пластырь телесного цвета. Светлана с мадам Ульяновой прижались друг к другу. Они не могли ни уйти, ни отвернуться. Все мы заворуженно наблюдали за манипуляциями Озирского. Его работу на месте происшествия все видели впервые.

– Убит ножом. Ударов десять или двенадцать. Может, и больше. – Андрей оттопырил нижнюю губу. – Вот ведь халтурщики! Идут мочить, а анатомический атлас изучить лень. Есть в теле такие точки, куда можно бить наверняка. Всё бы меньше человек мучился...

Озирский не договорил начатую фразу. Он вдруг нагнулся совсем низко. Было похоже, что директор агентства хочет сделать трупу искусственное дыхание «изо рта в рот». Серебристое от песка, с тинной прозеленью лицо убитого вдруг привлекло внимание Андрея. Он резко вскочил, со всех сторон осмотрел страшную находку и покачал головой.

– Теперь и личность не установишь, – вздохнул полковник. – Если документы и были, в воде размокли...

– Да эти тинэйджеры и не знают, что такое паспорт! – возразил капитан. Впоследствии выяснилось, что они – зять и тесть.

– Иногда складывается впечатление, что я весь город знаю в лицо, – заметил Андрей. – Ну, хотя бы, половину.

Теперь он смотрел на покойника с высоты своего роста.

– Не понял.

Гаишный полковник смотрел сочувственно, будто забыл, зачем приехал в агентство. Как я потом узнала, эта встреча грозила Озирскому огромными неприятностями. Пластырь на щеке капитана свидетельствовал о рукоприкладстве или скрывал следы автомобильной аварии. Ни того, ни другого исключать было нельзя. Лахтинские партизаны гоняли на иномарках по городу, не обращая внимания на дорожные знаки и сигналы светофоров. У их шефа водились денежки, и это избавляло служащих фирмы от расплаты. На сей раз, видно, допекло.

– Три года назад я его спас от смерти...

Озирский перешагнул через тело, и больше не оборачивался. Он заметил, что Светкина дочка хочет прямо в туфельках прогуляться по воде.

– Марьяна, брысь оттуда!

– Ой, да ты что, с ума сошла? – Светлана подхватила ребёнка на руки. – Ну, совсем отвернуться нельзя!..

– Это Антон Аверин? – тихо спросила я.

– Вот именно. – Андрей закурил и спрятал зажигалку. –

Больше не хочу об него руки марать. Так что профессору повезло – за розыск платить не придётся. Пусть хотя бы это его утешит...

Полковник потоптался форменными ботинками по мокрому песку, и гнилые ракушки захрустели под каблуками.

– Вам теперь не до нас, пожалуй, – невнятно пробормотал капитан.

– Ничего, сейчас продолжим. – Озирский спрятал поглубже в карман Марьяшкину находку. – Не будем даром время терять. Света, выпей валерьянки. У меня ещё тазепам есть. Знаешь, где лежит?

Бледная секретарша еле держалась на ногах. А вот дитя её буйно радовалось жизни.

– Знаю, – пролепетала Светлана. – Андрей, кто это?

– Сыночек того профессора, – неохотно ответил Озирский.

– Ой! – одновременно воскликнули Светлана и мадам Ульянова.

– Надо сообщить, – сурово высказал своё мнение полковник. – Это его отец к вам только что обращался?

– Обязательно сообщим. – Андрей подхватил на руки Марьяшку. Та уже успела испачкать колготки и платице в смоле, тине и краске. – Я пока побуду здесь, чтобы посторонние около трупа не болтались...

Он задумчиво смотрел на небо, где плыли белые облачка. На стрелы башенных кранов, на поздних бабочек-капустниц.

Те вились над тиной и песком.

– Света, возвращайся в офис и вызывай милицию. Скажи, что личность погибшего установлена. Пусть профессору они сообщают. Я с ним дело иметь не желаю. Ребёнка прихвати – нечего ему тут торчать. Ясно?

– Ясно, – прошелестела Света.

Она взяла за руку замызганную Марьяну и повела её по дорожке, сложенной из бетонных плит.

– Господа, извините за небольшую заминку. Как только приедет милиция, продолжим нашу беседу. Можем и прямо здесь, чтобы время сэкономить.

Озирский закурил «Кент». Гаишникам не предлагал. Видимо, оба оказались некурящими. Похоже, он совершенно забыл о нас с мадам Ульяновой. Мы вместе вернулись к офису, где и распрощались. Я так и узнала, как зовут уборщицу. Потом, достав брелок с ключами, я открыла дверцу Сашкиной «восьмёрки».

Последние слова, которые я услышала от Андрея, были обращены к гаишникам. Директор фирмы объяснял, что не может оставить около тела ни одного из своих сотрудников. Все они находятся на заданиях, и отвлекаться не могут. А разговор на свежем воздухе, без свидетелей, может оказаться полезным для здоровья, да и делу не повредит. Тем более что погода – на ять, и труп пока не очень воняет. Похоже, убийство произошло вчера вечером...

Андрей Озирский

Кривая вывезла, свинья не съела. Дело кончилось тем, что тесть и зять из ГАИ заявили об отсутствии всяческих претензий к агентству и лично ко мне. Возможно, вид жмурика подействовал на них, как надо. Пришло понимание того, что нам и так не сладко, да и повод для санкций неподходящий. Так или иначе, но расстались мы мирно. Но, в качестве компенсации за попорченный фейс капитана, пришлось заключить договор. Мы обязались поработать на льготных условиях в системе межрайонных отделений по регистрации и учёту автомобилей.

За последнее время участились случаи регистрации угнанных машин по фальшивым документам. Владельцами некоторых из них оказались люди, умершие несколько месяцев назад. Паспорта их после кончины оказались не погашенными. Потом документы были перепроданы барыгам. Те или сами гримировались по фотографиям, или нанимали кого-то для этой цели. В итоге ставили на учёт «левые» машины. Я пообещал заняться.

Но сейчас я ехал в московском метро – по Кольцевой линии, до станции «Парк Культуры». Нужно было попасть в Хамовники, где меня поджидали Всеволод Грачёв и Прохор Гай. В нужном доме размещалась аптека, и потому его легко было найти. Я поехал туда прямо с вокзала, не заворачивая

ни к тётё, ни в московское отделение агентства, ни на Звенигородку – к семье Бабенко и Сашку Николаеву.

Всего шесть дней прошло с тех пор, как на берегу Финского залива нашли труп Антона Аверина. Судя по показаниям служащих Сестрорецкой бани, где работал покойный, он опять пристрастился к наркотикам и наделал долгов. Когда пришло время платить, кредиторы потребовали своё. Аверин, не привыкший держать слово, послал их по известному адресу. Разумеется, его благородный отец ничего об этом не знал. Не до того было – миловался с молодой женой.

Парня долго били, а потом прикончили и выкинули на берег залива. Его машину взяли в качестве компенсации за бесплодные ожидания и великие труды. «Ладу» поставили в гараж на Юго-Западе, где её и нашли. В доме неподалёку располагался притон для «торчков»*. Потом машину вернули профессору Аверину.

Когда безутешному отцу поневоле пришлось встретиться со мной, он сделал вид, что мы не знакомы. Я ответил тем же. И подумал, что три года назад слишком дёшево ценил свою жизнь. Все крепки задним умом, и не нужно было проявлять неуместное благородство. Ладно ещё, что в процессе поисков Антона Аверина мы спасти от смерти многих невинных людей. И, наоборот, уничтожили опаснейшую банду Сени-Ювелира.

Проехав «Павелецкую» и «Добрынинскую», я посмотрел на часы. Интересно, зачем Грачёв пригласил меня туда, к

Гаю? И сколько я там просижу? А ведь обязательно нужно к тётке, в Медведково. Её соседка, Марья Петровна Юшкина, очень просила устроить встречу с Романом Брагиным.

Марья Петровна очень помогла нам в октябре прошлого года, когда спрятала Ромыча у себя. В итоге они так подружились, что старушка решила завещать Брагину свою квартиру. Наследников у неё всё равно не было. Единственный сын, страдающий болезнью Дауна, скончался месяц назад. Теперь Юшкину каждую ночь колотили сердечные приступы. И она боялась умереть, не выразив свою волю.

Значит, так. От гашишков отбоярились – о них можно забыть. В последнее время клиент вообще пошёл косяком. А тут Севыч попросил встретиться с его однокашником, которому очень нужна помощь. Поскольку он работает в ФСК*, дело секретное. И никто о нём пока не должен знать.

Я полюбовался игрой рубинов на перстне, положил в рот жевательную резинку. В метро нельзя курить, а мне очень захотелось. Теперь дотерплю до выхода, но на большее рассчитывать не приходится. Видно, дело слишком далеко зашло, и мне уже никогда не бросить.

Подъезжая к станции «Парк Культуры», я надвинул на глаза поля фетровой шляпы пепельного цвета. Сейчас я был очень похож на шпиона – в сером плаще и тёмных очках. Последнее время побаливали и слезились глаза. И уж совсем не переносили они пыли, а также яркого солнечного света.

Под завывание и лязганье, щурясь от голубого света пла-

фонов, я вспоминал ту историю, что привела ко мне гаишников. Микроавтобус «Мерседес», где находилась наша группа, был задержан на стационарном посту. Там от старшего, Романа Брагина, потребовали предъявить копию лицензии и разрешение на оружие. Мои люди отнеслись к делу с пониманием, и всё предъявили.

Но, видимо, гаишникам хотелось кушать, и они не отпустили группу. Им потребовалось увидеть личные удостоверения сотрудников агентства. Мои ребята и тут не отказали. Проверяющим не понравились бланки – якобы они не были утверждены лицензионно-разрешительными службами МВД.

Простояв у поста пятнадцать минут, мои ребята решили рвать когти. Они ведь ехали не на прогулку, а в казино «Конти». Там, в игорном зале, в баре или на турнире по армрестлингу* – следовало задержать заслуженного бандита России – Сергея (Гуню) Двуниткина. Только за текущий год он лично погрешил девять человек, а ещё к десятерым отправил киллеров. Это далеко не каждому под силу, и потому работать с Гуней надо было очень осторожно.

Он знал в лицо практически всех оперативников, и потому постоянно уходил от слежки. Не оставалось ничего, кроме как обратиться к нам в агентство и пообещать гонорар из средств Гуниных «кровников». Поскольку Двуниткина можно было взять именно в тот день, Ромыч очень нервничал. Бандит собирался надолго, а то и навсегда покинуть Родину.

Упустить такого знаменитого клиента, тем самым опозорив фирму, Брагин никак не мог. Кроме того, всю группу срочно выдернули из сауны, где мужики приятно расслаблялись. Разведка донесла, что Гуня хочет почтить своим присутствием соревнования по армрестлингу, ожидавшиеся там вечером. Перед этим Двуниткин побывал в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры, где усердно замаливал грехи. Гуня занимался этим часто и подолгу. В соборах и монастырях он был дорогим гостем, ибо всегда оставлял щедрые пожертвования.

Итак, Брагин решил пойти ва-банк. Он ударил водителя кулаком по плечу. Тот рванул с места, едва не сбив капитана Ирикина. Гаишник свалился в канаву с водой и сильно поранил щёку. В уже наступившей темноте погоня оказалась затруднена. По нашему «Мерсу» открыли огонь из табельного оружия. Пока Аркадий Калинин выписывал по Московскому проспекту высокохудожественные кренделя, Ромыч пять раз выстрелил по преследователям из неучтённого пистолета.

Ладно, что всё обошлось – никого не убили, даже не ранили. Но Ирикин заболел, промокнув в канаве. Лейтенант с того поста поранил кисть руки, а одна из пуль Ромыча разбила стекло служебного «Форда».

Группа прибыла в «Конти» с пятиминутным опозданием, но и Гуня задержался в церкви на полчаса. Охрану свою он где-то оставил. Видимо, надеялся на помощь Господа. В ка-

зино явился совсем один. Операция под названием «Ставка», несмотря на все препоны, завершилась успешно.

Гуню взяли, как в кино, под возглас крупье: «Делайте ставки, господа!» Бандит был занят фишками, ни на кого не смотрел. Пистолет он оставил при входе, в сейфе. Двуниткин никак не ожидал, что его блистательный путь прервётся именно здесь. Люди в «Конти» всегда были ему верны.

От удивления бандит принялся вежливо отвечать на поставленные вопросы. Но беседы с задержанным в компетенцию Брагина уже не входили. Оставив добычу в руках официальных властей, моя группа отправилась в гостиницу «Речная». Там жил печник из Красной Горки, который слыл непревзойдённым мастером своего дела. Его часто приглашали в респектабельные особняки и виллы, что позволяло увидеть и услышать многое.

Печник Котельников был прописан в гостинице как Туреров, чтобы никто не напал на след. Я провёл предварительную работу, а Брагин должен был получить окончательный ответ – как можно скорее. Ромыч отправился в «Речную», на проспект Обуховской Обороны, начисто забыв о случившемся с гаишниками.

Согласие печника на сотрудничество с нашей фирмой Брагин получил. На утро всю группу едва не арестовали – за вооружённое сопротивление представителям власти. Именно эту проблему и пришлось мне решать в течение двух недель. Пока, наконец, Антон Аверин не помог мне выпу-

таться из этой паскудной истории – сам того же желая...

Конечно, Брагин был контужен в «горячих точках», и потому не вполне владеет собой. Кроме всего прочего, его терзает неразделённая любовь к Оксане Бабенко. Она причудливо сочетается с подозрениями относительно верности законной жены Анастасии. И везде ему противостоит один и тот же человек – Сашка Николаев.

«Чудны дела Твои, Господи!» – думал я, выходя на улицу из павильона метро. Как бы у Брагиных не случилось того же, что у Грачёвых! Света, например, уверена, что её деверь* Всеволод помог своей жене уйти из жизни. И, вот незадача – изменяла Лилия тоже с Сашком, как будто он мёдом намазан. А вот жена Инесса не чаёт, как от него избавиться.

У Аськи-то Брагиной, похоже, с Сашком и не было ничего. И беременна она опять от Ромыча. Так ведь этому Отелло ничего не докажешь. Он категорически запретил супруге делать аборт, чтобы та не скрыла следов своего преступления. С нетерпением ждёт рождения ребёнка, чтобы иметь железные доказательства измены. От Сашка вряд ли родится блондин, тем более что сама Аська тоже тёмненькая...

Надвинув солнечные очки, я пошёл мимо цветочниц с ведёрными букетами, газетных стендов, книжных развалов. Киосков и палаток с разным барахлом. Выбрался к Садовому кольцу, глянул в синее осеннее небо. Столица всегда остывала быстрее Питера. Листва деревьев заметно желтела и крас-

нела, и дул ледяной ветер. Я потолкался немного около метро, чтобы ощутить ритм столицы, и пошёл по Комсомольскому проспекту.

Вот они, Хамовники! Получилось так, что именно сюда я прибыл впервые. Как говорил Севыч, нужно перейти проспект и двигаться от станции метро. Я обогнул деревянный заборчик и нецензурно выразился. Поток машин мощно напирал от Садового кольца через узенькую щёлку. Транспорт напознал на тротуар, грозя передавить прохожих и торговцев. Вся эта масса железа клаксонила и неимоверно воняла.

Ещё около метро я перекурил, и теперь чувствовал себя сносно. Незвестность и любопытство властно гнали меня вперёд. Севыч знал, что я падок на тайны, и потому сразу ничего толком не объяснил. Ему нужно было любой ценой затащить меня к Гаю, чтобы уже там в две глотки приступить к уговорам. Если бы я узнал суть дела заранее, мог бы и не приехать сюда.

Да, с гаишниками получился хэппи-энд, хотя поначалу таким исходом и не пахло. Поскольку серьёзных последствий погоня и перестрелка не имели, всех оставили на свободе. Но я понимал, что нашей заливистой песне могут наступить на горло под любым предлогом. Например, на основании того, что лицензия на охранно-розыскную деятельность получена с помощью взятки. А выплыло это, якобы, только сейчас. И попробуй, докажи, что всё было не так!

Куда деваться – давал взятки. А кто их не даёт? До по-

ры до времени подобные нарушения никого не волнуют. Но не приведи Господи рассердить влиятельного человека! Хотя бы такого, как тесть капитана Ирикина – полковник Мясоедов. Сразу же, до суда, назовут преступником и примут меры. А история простая, как солдатский сапог. Подчинённые Ирикина слишком уж откровенно набивались на мзду. Не оценили потенциал тех, кого предполагалось «выпрячь».

Пока тянулось разбирательство, я прикидывал, кто может помочь. Хотел привлечь к делу бывших коллег, зашедшихся от радости после ареста Двуниткина. И всех прочих, кому агентство помогло за восемь месяцев своего существования. Документы, хранящиеся в моём сейфе, свидетельствовали – фирма не увиливала от сборов. Я платил за получение официальных лицензий на каждую штатную единицу. И общая лицензия, на право занятия охранно-розыскной деятельностью, была в полном порядке. Оружие мои ребята носили легально, за что также пришлось выложить круглую сумму. Только при огромном желании у нас можно найти проколы.

Кто говорит, что мы – ангелы? И где вообще их сейчас видели? Официально агентство арендует у МВД тридцать пистолетов Макарова. На самом деле «Брянский лес» располагает куда большим количеством оружия, за которое ни перед кем не отчитывается. И мы можем в мгновение окна спрятать «неучтёнку» так далеко, что долго придётся искать. А потом ещё доказывать, что она наша.

Разумеется, от неспрухи никто не застрахован. И всё мо-

жет быть. В любом случае, повернись дело гаишников иначе, терять пришлось бы очень много. Я и в золотом сне не видел, что полюбовно разойтись нам поможет история с трупом Антона Аверина. Хоть так, да отблагодарил меня наркоман и шалопай, вырванный из лап бандитов три года назад. Ещё немного – и на нём начали бы ставить медицинские опыты, как в концлагере. А сам Антон и его папа решили это забыть и начать жизнь заново.

Не знаю, почему вид трупа так подействовал на тестя с зятем, но факт остаётся фактом. А вот другим агентствам в последнее время не повезло. Одна фирма, занимавшаяся, главным образом, охраной перевозимых на дальние расстояния грузов, лишилась лицензии именно по инициативе ГАИ. Придрались к тому, что пять из десяти сотрудников фирмы ранее не работали в правоохранительных органах, не служили в армии и не окончили курсы спецподготовки.

У нас с этим был полный порядок. Все сотрудники и действительную служили, и работали в милиции, в ОМОНе. Но проблему неучтённого оружия всегда можно поднять – было бы желание. И при этом, под видом частных контор, в городе расплодились узаконенные банды. Дипломы спецкурсов там покупались совершенно открыто. Но на это никто не обращал внимания. То ли на лапу имели с них, то ли боялись мести. Возможно, кнут и пряник использовались одновременно.

Я бы мог десяток-другой таких адресов назвать. Но об

этом прекрасно знали и без меня. Выгодно это было и учебным центрам. Они разорились бы без заказов коммерческих структур, да и без криминальных вливаний тоже. Каждому боссу хотелось иметь в своём распоряжении не гангстеров, которых в любой момент могут замести на тридцать суток, а респектабельных охранников с законными «стволами».

Наконец, я дошёл до дома с аптекой и свернул во двор. Школьники, свалив цветные рюкзаки в кучу, носились в кустах, свистели, орали. Не обошлось и без старух. Ёжась от холода, они стояли у подъездов – там, где раньше были лавочки. Почему-то их разом убрали, а другие пока не привезли. У пенсионерок же без ежедневных сплетен начинались такие ломки, что любой наркоман позавидует. Причём московские бабушки были в этом отношении куда агрессивнее питерских. Мимо них, как сквозь строй, проходил каждый, кто хотел попасть в дом. И, разумеется, слышал про себя очень много всякого-разного.

Впрочем, в этом дворе было чисто, уютно. Я вспомнил, что до тёти ещё нужно заехать на Звенигородку. Там Сашок Николаев поджидал меня с первым своим докладом. Интересно, как ему живётся – среди детворы? Не мешает ли орущая по ночам Октябрина? Да и с Оксаной можно заводить шуры-муры – никто не помешает.

Я оглянулся и увидел молодую мать с прогулочной пёстрой коляской. Там сидел младенец, похожий на моего внука Даньку. Женщина была молодая, но уже смертельно усталая.

Она основательно отоварила в окрестных магазинах, и никак не могла освободить руку, чтобы нажать кнопки кода.

– Разрешите, я вам помогу! – Пришлось прибегнуть к испытанному средству.

Эта дамочка в кожаной куртке и креповой чёрной юбке застеснялась, но с удовольствием приняла моё предложение. Кстати, код-то я и не знал. Севыч начисто про него забыл, а я не напомнил. Ребёнок в коляске мусолил синюю пустышку, сосредоточенно изучая облака в высоком небе. Я вдруг понял, почему вокруг так тихо – улетели стрижи.

Я перетащил коляску через порог, вызвал лифт. Молодая мамаша – скуластая, голубоглазая, крашеная хной – открыто, по-дружески мне улыбнулась.

– Вам на какой этаж? – спросила она с интересом.

– Мне в семьдесят вторую квартиру.

– Ой, это рядом с нами! – обрадовалась женщина. – Так что вместе выйдем.

Пока мы ждали кабину, я нанюхался тухлятины из мусоропровода. От почтовых ящиков разило мочой. На плохо побелённом потолке и на стенах были нарисованы страшные рожи, написаны похабные слова. Короче, как везде в нашем Отечестве. Впрочем, я когда-то тоже вёл себя на лестницах не лучшим образом, поэтому не могу судить других. Ладно, хоть с возрастом образумился...

На пятом этаже лифт встал. Мы выкатили коляску, выволокли пакеты. У двери семьдесят первой квартиры рыжая

попутчица достала брелок с ключами.

– Что, Прохор Прохорович работает уже? – с любопытством спросила она. – А Вира говорила, что инвалидность ему собираются дать...

– Работает, вроде. Я не в курсе.

Интересно, зачем Севычу потребовалось моё участие в делах ФСК? И кто такой этот Прохор Гай? Что-то брезжит, но не оформляется в целый образ. Редкое имя, да и отчество тоже. Вроде, слышал о нём ещё давно, когда тренировал каратистов в подвале на Лиговке. И приятель мой Славка Плескунов, упоминал про Гая. Кстати, и Сашка Минц-Николаев был с ним знаком.

Севыч говорил, что Гай с Плескуновым вызывают у него восхищение. Из таких-то семей – и в люди выбиться! Кто их только надоумил в Университет поступать? Да ещё на юридический факультет? И ведь добились всего, сами себя сделали. Это не Минц, которому всё в рот клали. У Плескунова отец был алкашом, а Гай своего вообще никогда не видел. И плевать, что оба говорят с диалектом. Им ведь не нанимали репетитора по риторике...

– Спасибо вам большое за помощь! – Соседка завезла коляску к себе в прихожую. Её флегматичный ребёнок так ни разу и не гукнул. – Передавайте им привет, Вире с Прохором...

– Как зовут бутуза вашего? – успел я крикнуть в щёлку.

– Андрей! – ответила женщина. И мне сразу стало тепло

на сердце.

– Тёзки, значит, – сказал я.

Не знаю, услышала ли дамочка мои слова. Я как раз позвонил в дверь, и она открылась.

Я снял шляпу, шагнул через порог. Почему-то в квартире темно – видимо, задёрнуты шторы. На пороге стоял Грачёв, широко раскрыв объятия. Конечно, он по-тихому, через глазок, осмотрел площадку и уже знал, кто приехал.

А дверь у Гая неплохая, бронированная на уровне лёгкого танка. Но спереди стоит другая – деревянная, обитая кожей. И это правильно – нечего привлекать внимание к своему жилищу. Гай ведь работник спецслужб. Он знает, как надо маскироваться.

Севыч моментально затащил меня в переднюю, защёлкал замками. Из-за темноты показалось, что мы очутились в огромном сейфе. Мы поздоровались, по привычке насовав друг другу в бока. Севыч был одет по-простому – в чёрной рубашке и «варёных» джинсах. Молодой вдовец недавно вернулся с малой родины, из Сочи, и выглядел на все сто.

– Я решил наконец-то вас с Прошкой Гаем познакомить, – заявил он, принимая у меня шляпу и плащ. – Ты, наверное, помнишь. Они со Славкой Плескуновым жили в общежитии, на Васильевском...

– Всё помню, можешь не объяснять. – Я взял с подзеркальника свой кейс. – Куда теперь идти? И почему такая те-

мень, позволь спросить? Кстати, где сам хозяин? Он не может сам встретить гостя?

— А чем я тебе плох? — шутиливо обиделся Севыч. — Действительно, он больной сегодня. Прохор был ранен в голову малокалиберной пулей. Её так и не извлекли. Решили, что лучше оставить, как есть. Вроде бы, на рентгене перемещения не заметно.

— Так он работает?

Я не совсем понимал, в чём дело. Между прочим, отметил, что в двери комнат вставлены отличные витражи.

— Две недели назад вышел на службу. Не захотел дома сидеть. Когда Прошу узнаешь, поймёшь. Он только мёртвый не будет вкалывать. Суть проблемы он объяснит сам. Там секретных моментов навалом. Я боюсь ляпнуть лишнее.

Мне, конечно, было интересно. Чего от частной фирмы хочет сотрудник ФСК? И кто будет платить за работу? Мы ведь субсидий от государства не получаем. Живём только на то, что добываем сами. И потом, знает ли начальство Гая о его предполагаемых контактах со мной? Не закончится ли всё это ещё одним скандалом? А выпутаться будет сложно, раз замешана «контора». Да что там — невозможно.

Не будь Гай однокашником Грачёва, я отказался бы. Частника, пусть даже знаменитого в определённых кругах, могли втянуть в какое-то сомнительное, а то и грязное дело. А после подставить под следствие, даже под уничтожение. Севыч, правда, имеет потрясающее чутьё на провокации тако-

го рода. Он не подвергнет меня опасности – иначе для чего столько раз спасал от гибели?...

– Запрягли сразу. Знают, что он безотказный. Но Гай – специалист именно в этой области...

Севыч, против обыкновения, говорил неуверенно. Похоже, он тоже сомневался, правильно ли поступает. Но обратного хода дать уже не мог.

– Кто хозяин по званию?

– Подполковник. Раньше Прохор выполнял правительственные задания за границей. Ещё при КГБ и Советской власти.

– Так води меня к нему. Что мы шепчется за дверью?

Мне очень хотелось посмотреть на эту загадочную личность.

– Снимай обувь, – велел Грачёв. – У Прохора всё по-японски. Особенно не удивляйся, если увидишь всякие странные вещи. Как у тебя в фирме, порядок? – неожиданно спросил Севыч.

– Да, не сглазить бы! – Я постучал по вешалке. – А ты как? Вижу – посвежел, загорел...

– Да никак. – Севыч явно не хотел вдаваться в подробности. Но потом добавил: – Детей тёща к себе, на Комендантский, забрала. Живу один на проспекте Славы.

– Но всё-таки видишься с пацанами?

– Чёрта с два! Галина Яковлевна пугает мальчишек всякими карами, если они будут, хоть по телефону, со мной раз-

говаривать.

– Они же все – твои сыновья по закону! Не только Мишка, но и старшие. И бабка никакого права не имеет...

– Да, понимаешь, сидеть у меня с ними некому. Я бы давно тёще рога обломал. А куда хлопцев дену? Ну, допустим, старшие привыкли одни дома куковать. А Мишке ведь седьмой месяц. Ему особый уход нужен. Дарья работает, мачеха – тоже. Она, конечно, ради Мишки бросила бы свою киностудию. Там всё равно ни черта не платят. Так я боюсь, что тёща какую-нибудь гадость ей запуляет. Мама Лара – тонкий, деликатный человек. Она не может выносить такие истерики. Один раз тёща уже спрятала Мишку на даче своей подруги, в Невской Дубровке. Конечно, мне всё это размотать – пара пустяков. Но времени пока нет. Да и за сына боюсь – как бы бабка чего с ним не сделала. Я должен подготовиться, как следует, чтобы всё без пыли провернуть. Так что я хочу свести вас с Прохором, вернуться, и уже взяться за тёщу всерьёз.

– Понятно, почему ты лошадей гонишь, – заметил я. – Ну, ладно, давай, знакомь.

– Я очень рад, что Прохор снова в строю, – улыбнулся Севыч. – Такое тяжёлое ранение было! Надежд на реабилитацию – никаких. Ему ведь выстрелили в основание черепа. И пуля каким-то чудом, обогнув жизненно важные центры мозга, застряла около виска...

Мне, конечно, стало обидно за друга. Он ведь Лильку с па-

нели подобрал, усыновил её старших детей. Они Севыча просто обожают. Бабка же с тёткой прямо так и говорят: «Этот изверг убил вашу мать!» А кто там свечку держал? Вскрытие ничего криминального не показало. Остановка сердца – и всё. Разругались? Да, возможно. Они в последнее время вообще плохо жили. Но это, пардон, не убийство. Да ещё Лилькиного отца, Николая Наумовича, после всего паралич разбил. Теперь он не директор молокозавода, а просто лежащий инвалид. Где бы мужу себя посвятить, Севкина тёща внукам своим жизнь калечит.

И ладно бы только Лилькина родня наезжала! А то ведь и Сашок Николаев – туда же. Из-за него весь сыр-бор разгорелся. Где бы тихо сидеть, он прёт, как танк. Хочет довести дело до суда и сурового приговора. Я, конечно, всё сделаю, чтобы Грачёва вывести из-под удара. Ни у Лилькиных родных, ни у Сашка нет никаких доказательств. И без постоянных «пятиминуток ненависти» проблема сошла бы на нет.

Но сейчас пока не время об этом думать. Надо скорее идти к Гаю в комнату, а то уже совсем неприлично.

– У Прошки бывают такие дни, когда он чувствует себя нормально только в полной темноте. В этот раз Гай уже неделю как из дома не выходит. Своей группой руководит отсюда. Жену с детьми на сегодня отослал к родственникам, чтобы не мелькали рядом. Он очень просил привести тебя. Прости, но я много рассказывал...

– Прощаю! Значит, такие серьёзные последствия ране-

ния? Светлые промежутки чередуются с приступами? Развивается светобоязнь? Как это по-научному? Менингеальный синдром, кажется.

– Да, так и есть. Гая не хотели к работе допускать, но он же упрямый невероятно. Отрицает сам факт своей несостоятельности. А приступ случился из-за Нонки, младшей дочери. Она забралась в пустой холодильник, закрылась там и едва не задохнулась. Год и три месяца ребёнку – что с него возьмёшь? Ладно, разревелась со страху, и Вира услышала...

– Не заболела после холодильника-то?

– Да нет, отпоили липовым цветом. Сейчас скачет, как кузнечик. А Прохор никак в себя прийти не может. Он ведь с ребёнком сидел и не уследил. Его срочно вызвали тогда к телефону. Как раз по поводу дела, которое и тебя касается. Пошли!

Вслед за Всеволодом я вошёл в комнату, которая напоминала багровеющую пещерку.

– Можно к вам? Извините, давно с другом не виделись, заговорились.

– Проходите! – послышался из пещерки низкий, поставленный голос.

Да, правильно, ведь Прохор Гай пел в университетской самодетельности.

– Прибавить света? Как бы вы с непривычки мимо кресла не сели...

– Вот сюда пожалуйста! – Севыч, взяв меня за локти, усадил на что-то низкое и жёсткое. – Прохор, дай света побольше. Для знакомства хотя бы.

– Минуту. – В пещерке кто-то зашевелился.

Судя по всему, Прохор Гай сидел на чём-то низком или прямо на полу. Красный стал ярче, и я оценил размеры комнаты. Здесь было от силы четырнадцать квадратов. Ночник на тумбочке рдел, как раскалённый уголь. Покрывало на низкой тахте тоже было чёрно-красным, в диковинных цветах.

Хозяин оказался невысоким раскосым брюнетом с холёными усами. Их концы печально опускались почти до подбородка. Выглядел Гай лет на десять моложе своего истинного возраста. В волосах и усах ни единой сединки, кожа гладкая, руки маленькие, почти женские. Прохор – наполовину японец, а они выглядят очень молодо. Кроме того, темнота и красная подсветка скрывают дефекты – если они есть.

Прохор Прохорович являл собой смесь вопиющих противоречий. Миниатюрная фигурка – и рокочущий бас. Подполковничьи погоны, славное боевое прошлое – и циновки на полу, гитара на стене. Дорогой, престижный телевизор «Мицубиси» с автоповоротом – и жалкий, сплетённый из тряпок коврик под ним. Особенно заинтересовал меня самурайский меч на стене, под которым стоял радиотелефон «Нокиа». В квартире Гая разные эпохи и стили свободно соседствовали друг с другом. И, конечно, везде расставлены сухие икебаны.

– Скажите, Прохор, этот меч из «новых»?

Я сам держал коллекцию холодного оружия, и потому в нём посилено разбираюсь.

– Да, он сделан при военных правителях из дома Токугава. Один из самых последних экземпляров – 1868 года. Видите, ручка по длине почти не уступает лезвию? А оно, в свою очередь, как бы запелёнато в несколько более мягких слоёв металла. Заточен на специальных точильных камнях. Отшлифован по трёхсантиметровым квадратикам...

Гай говорил вдохновенно, с жаром. Было видно, что страшно гордится этим мечом. Разумеется, не без оснований. Такое сокровище ещё нужно раздобыть.

– Давайте, знакомьтесь. И сразу пейте на брудершафт. Как говорится, без японских церемоний, – начал распоряжаться Грачёв.

Он представил нас друг другу, заставил хлебнуть и чашечек настоящего сакэ. Совсем немного – за знакомство.

– Всё, теперь к делу, – решил хозяин. – Всеволод, никуда не уходи. Ты тоже должен быть в курсе.

Мы с Севычем вытянули ноги на середину комнаты. В этих креслах могли свободно сидеть только японцы. Трудно было представить, что рядом, на Комсомольском проспекте, шумит яркий сентябрьский день. Наверное, инфракрасный свет являлся частью имиджа Прохора Гая. И спортивный его костюм тоже был выдержан в этих цветах. На чёрной футболке краснел дорожный знак – «кирпич». Гай сидел, поджав под себя маленькие ноги в пёстрых носках.

– Проблема у меня возникла, ребята. Не то чтобы неразрешимая, но весьма серьёзная. Всего сказать вам не могу – гостайна. – Гай говорил полущутя, но я чувствовал в его голосе тревогу. – Мне нужен человек. Девушка лет двадцати, причём определённой внешности. Лично у меня на примете пока никого нет. Андрей, может, у тебя найдётся?

Прохор неожиданно улыбнулся – крепкими, чуть выступающими вперёд зубами.

Я в это время разглядывал ещё один раритет – семиступенчатую подставку. На ней, в безукоризненном порядке, располагались статуэтки – императора, императрицы, придворных дам, музыкантов и слуг. Там были расписные куколочки с круглыми лицами, золочёные самурайчики и прочая восхитительная мелочь.

Под каждым изображением было написано имя, переведённое на русский – «Весенний дождь», «Сад цветов», «Мгновение».

– Может, и есть, – лениво ответил я. – А ты созерцанием занимаешься? Никогда такого не видел. Даже сам размяк. – Я указал Гаю на подставку.

– Балуюсь, когда время есть. Эти куклы – копии музейных. Многие я сам сделал – по памяти. Так вот, – продолжал Гай, – весь мой план горит из-за этой девочки. Своими силами нам кандидатуру не подобрать. Я, пока болел, медитировал. Любовался луной, снегом, цветами, достигая наивысшей гармонии. Теперь вот попробовал составить столь

же идеальный план работы. Наметил варианты, а главную деталь никак не могу отыскать. А она, деталь, держит все звенья цепочки. Не понял? Сейчас поймёшь...

Прохор погладил пальцами свои холёные усы. Его глаза, похожие на ягоды чёрной рябины, очень шли к смуглой коже.

– Сразу предупреждаю – можешь отказаться. Уговаривать и давить на тебя я не вправе. Просто прошу о любезности. Всеволод сказал, что ты помогаешь друзьям...

– И друзьям своих друзей, – добавил Грачёв. – В пределах возможного, конечно.

– Кофе хотите? – предложил хозяин.

– Нет потом. Давай сначала поговорим о деле. – Я, не привычный к созерцанию, не мыслящий тысячелетиями, уже начал нервничать. – Дел у меня, понимаешь, вагон. И к тёте надо съездить, и ещё много куда...

– Тем лучше. – Гай внимательно посмотрел на меня. – Если беспокоишься насчёт оплаты, то здесь всё улажено. Я имею нескольких спонсоров. Курить хочешь?

– Не откажусь.

Я понимал, что Гая не переделать. Пока он не выполнит все ритуалы, не успокоится. Мы закурили, наслаждаясь букетом сигар «Кафе Крем», которые Севыч передал мне в коробке. Как и положено, минуту-две помолчали.

– Насчёт гонорара я определяюсь, когда узнаю суть дела и оценю свои возможности. А пока незачем обсуждать этот

вопрос. Может быть, я вообще откажусь.

В красном воздухе небольшой комнаты таяли кольца ароматного дыма. Прохор восседал на тахте – невозмутимый, как Будда. Севыч же смотрел то на меня, то на Гая блестящими, как чёрное стекло, глазами. Видимо, я ошибся. И чувствует себя мой друг далеко не так хорошо, как показалось сначала...

Всеволод Грачёв

Ребята, да минует вас то, что выпало на мою долю. Вы даже не представляете, как мне тяжело. Не дай Бог, чтобы с вами когда-нибудь случилось такое. Ведь это далеко не одно и то же – убить в перестрелке преступника и расправиться с собственной женой. Она жила вместе со мной, спала в одной постели, обустроивала дом, растила детей. Часто встречала меня у порога, брала из рук кейс. Случалось, что и цветы...

Но я должен был убить её. Сложилась патовая ситуация. Я понимал, что рублю по живому, потому что семья – святое. Палач кромсает здоровые ткани, хирург – больные. И разве можно ставить их рядом, судить одним судом? Если твоя половина оказалась гангренозным, разлагающимся органом, что делать? Не отсечёшь – погубишь весь организм.

Чувство любви привязанности ко мне у Лилии не пропало. Его и не было никогда. Ею руководил один голый расчёт. Она привыкла из всего извлекать выгоду. Родители на-

учили этому их с сестрой Георгиной. А вот совестью, видно, всю эту семью Господь обделил. Мой бывший тесть Николай Наумович, директор крупного молокозавода, и в советские времена не бедствовал. Кроме зажиточной квартиры, имел зимний загородный дом, две машины – «Волгу» и «шестёрку», двух собак дорогих пород. И дочек родил сразу двоих. Они были прекрасны, как цветы, и потому получили такие имена – Лилия и Георгина. Его жена, Галина Яковлевна, ни дня не работала, и институт окончила зря.

При всём этом финансовые дела на предприятии Николая Наумовича оставляли желать лучшего. В девяносто первом году уже показался кончик верёвочки. Лилин папа вполне мог предстать перед судом. По этой причине, как выяснилось, Лилия и возобновила знакомство со мной, перед этим попрощавшись как будто навсегда.

Тогда я не понял, зачем Лилии это потребовалось. Решил, что она хочет поддержать меня после гибели сводного брата Михаила, которого лично знала. Для этого и позвонила моей мачехе, напросилась в гости. А потом естественным образом оказалась в моей постели. Но главное было не это. Я пожалел её мальчишек, которые росли без отца. И, в сущности, без матери – ведь Лилия гуляла сутками. Гуляла не от нищеты, как изобразила, а просто от скуки. Ей всё время не хватало драйва.

Оказывается, на семейном совете Селедковы решили выгодно выдать Лилию замуж. То есть получить в родственники

работника правоохранительных органов. Он, при случае, заменит папу. И, скорее всего, выручит его на следствии, сможет выпутаться. Но, пока это не потребовалось, пусть Николай Наумович остаётся для зятя бедным стареньким папой. Таким он и стал сейчас – после обширного инсульта.

Почему я мысленно всё время к этому возвращаюсь? В чём себя убеждаю? Я был контужен, приехал прямо из больницы. Тогда мы брали бандитский хурал, и я чудом уцелел после взрыва гранаты. В таком состоянии человек подвержен аффекту, особенно если узнаёт об измене жены. И не откуда-нибудь узнаёт, а прямо из её уст. Одно дело, когда тебе сообщает об этом сестра, или ты догадываешься сам. И совсем другое – когда сама благоверная с милой улыбочкой подтверждает все эти слова и догадки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.